

ТОМЕК

в Гран-Чако

АЛЬФРЕД ШКЛЯРСКИЙ

Иллюстрации Владимира Канивца

Приключения Томака Вильмовского

Альфред Шклярский

Томек в Гран-Чако

«Азбука-Аттикус»

1991, 2007, 2018

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Шклярский А.

Томек в Гран-Чако / А. Шклярский — «Азбука-Аттикус», 1991, 2007, 2018 — (Приключения Томека Вильмовского)

ISBN 978-5-389-24538-9

После неудачной попытки вызволить Яна Смугу из плена индейцев-кампа Томек и его товарищи спешно готовят новую спасательную экспедицию. Пожертвовав своей свободой и оставшись в поселении индейцев ради побега друзей, Смуга и капитан Новицкий пообещали юноше встретиться с ним через пару месяцев близ северной границы Боливии. Вот только, кажется, сама судьба против их воссоединения: сначала восстание кампа в Монтанье вынудило Вильмовского-младшего и остальных участников группы отказаться от короткого маршрута, а затем карты им спутала революция в Боливии. Чтобы как можно скорее добраться до условленного места, Томек решается повести экспедицию через Гран-Чако – таинственный край, который уже долгое время остается неизведанным. По легенде, там проживают свободные индейские племена и беда ждет любого белого человека, осмелившегося вторгнуться на их земли... Но разве Томек может отступить, когда на кону стоит жизнь дорогих ему людей? На историях о бесстрашном Томеке Вильмовском, вышедших из-под пера польского писателя Альфреда Шклярского, выросло не одно поколение юных любителей книг. Перед вами новый перевод восьмого романа из этого цикла – «Томек в Гран-Чако», который был дополнен интересными и познавательными научно-популярными справками. Замечательные иллюстрации к книге создал художник Владимир Канивец. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-389-24538-9

© Шклярский А., 1991, 2007, 2018
© Азбука-Аттикус, 1991, 2007, 2018

Содержание

I	8
II	13
III	23
IV	31
V	39
VI	48
VII	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Альфред Шклярский Томек в Гран-Чако

Alfred Szklarski
TOMEK W GRAN CHACO
Copyright © by MUZA SA, 1991, 2007, 2018
All rights reserved

Комментарии и примечания Ольги Куликовой

Иллюстрации Владимира Канивца
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Перевод, примечания, комментарии. ООО «Издательство «Эксмо», 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ЦИКЛ РОМАНОВ О ТОМЕКЕ ВИЛЬМОВСКОМ

Томек в стране кенгуру
Томек на Черном континенте
Томек на тропе войны
Томек ищет снежного человека
Томек и таинственное путешествие
Томек среди охотников за человеческими головами
Томек у истоков Амазонки
Томек в Гран-Чако
Томек в стране фараонов

I

Отец и сын

Лима, 18 марта 1910 г.

Дорогой папа!

Перед отъездом в Манаус¹ на поиски пропавшего Смуги² я отправил тебе письмо и рассказал о сложной ситуации, в которой мы оказались. Увы, но поставленной цели удалось достичь лишь наполовину. Смугу мы отыскивали, но потом удача изменила нам. С нашим замечательным Смугой случилась беда, и теперь в смертельной опасности находится не только он, но и Тадек Новицкий.

Сейчас мы вместе с Салли, Наткой, Збышекком и еще с несколькими нашими друзьями-индейцами находимся в Перу, в Лиме, и срочно готовим спасательную операцию. Задача эта нелегкая, боюсь, в спешке сделаю что-нибудь неправильно. Нам так не хватало тебя, любимый папа! И тут такой сюрприз!

Я написал в Икитос директору банка по поводу денег для Тадека Новицкого, а он ответил, что ты, папочка, уже в пути из Манауса в Икитос. Даже не могу описать, как я обрадовался нашему скорому воссоединению в Лиме. Меня это взволновало совсем как тогда, в Триесте, когда мы снова увиделись после многолетней разлуки! Не буду скрывать, все плакали от радости, когда узнали о твоём приезде. И еще больше мы рады, что твои знания и жизненный опыт уберегут нас от неверных шагов. Ведь речь идет о спасении самых близких наших друзей – Тадека Новицкого и Смуги!

Как я понимаю, твой неожиданный визит в Южную Америку невольно вызвал Тадек, который тайком от нас выслал тебе доверенность на продажу его яхты и просил как можно быстрее переправить деньги в банк Икитоса. Поразительно, но именно Тадек, который сначала делает, а потом думает, оказался дальновиднее нас. Еще по пути в Бразилию, когда мы все переживали, что ты не смог поехать с нами, капитан нас утешал: «Нельзя выкидывать за борт сразу все спасательные круги». Так и вышло: если уж такой бывалый путешественник, как Смуга, пропал без вести, то с нами тоже может приключиться что-то нехорошее, и ты точно, папочка, поспешишь нам на помощь. Прогнозы Тадека сбылись.

Господин Никсон в Манаусе наверняка сообщил тебе обо всех наших перипетиях. Я через банк в Икитосе послал ему письмо, в котором сообщил, как у нас идут дела и где мы находимся. Хотя ты уже в пути и как-нибудь разберешься, что к чему, опишу тебе все случившееся.

Итак, после многочисленных приключений мы разыскали Смугу, который гнался за убийцами несчастного Джона Никсона, племянника

¹ Манаус – город на севере Бразилии при впадении в Амазонку реки Рио-Негро. Административный центр штата Амазонас с 1858 года и важнейший портовый город на Амазонке, доступный для крупных морских судов (1690 км от устья). Второй по величине после Белена город на Амазонке. Основан португальцами в 1669 году и назван по обитавшему здесь индейскому племени манау.

² Об этих событиях читайте в книге «Томек у истоков Амазонки».

владельца компании «Никсон-Рио-Путумайо», и угодил в плен к индейцам племени кампа³ в Гран-Пахонали⁴.

Кампа обращаются с ним как со своим белым воздем-талисманом, ведь иметь такого человека в племени очень почетно, особенно в глазах соседей. До того как мы нашли Смугу, не обошлось без столкновения с кампа: они сторонятся белых, прячутся в глуши Анд, вблизи руин древнего города инков, и страшно остерегаются, что кому-нибудь станет известна их тайна. Только благодаря их уважительному отношению к Смуге нас не убили и проводили к нему. И больше не отпускали.

К нашему несчастью, именно тогда пробудился расположенный поблизости вулкан. Суеверные кампа решили, что извержение вулкана – это божья кара за проникновение белых в их тайное обиталище. Шаман объявил: для того чтобы задобрить богов, необходимо принести в жертву двух белых женщин – Салли и Натку. Их собирались было сбросить в пропасть. Смуга спас девушек: он где-то отыскал одну хитрую итуковину, изготовленную еще шаманами инков, которая дает возможность самым красивым женщинам, приносимым в жертву Солнцу, избежать страшной участи. Но тут прибежал шаман: он все понял, и Смуге пришлось его прикончить, чтобы он нас не выдал.

Смуга приказал мне и остальным членам экспедиции выбираться по секретному подземному ходу, а сам остался у кампа, дабы успокоить их и задержать погоню. Я долго отказывался, ведь кампа вполне могли отомстить Смуге. Но Тадек поддержал его решение, утверждая, что только мне удастся найти верное направление в этом горном лабиринте. Что я мог сделать? Нужно было спасать девушек. А в последнюю минуту Тадек по своей воле решил остаться со Смугой. Я на него не сержусь – сам хотел поступить так же.

Нам четверым удалось без приключений добраться до Лимы, но теперь нас снедает беспокойство за судьбу друзей. Перед тем как уйти, мы уговорились со Смугой, что через пару месяцев я буду ждать их с Тадеком близ северной границы Боливии.

Смуга пообещал, что сразу же после нашего побега они с Тадеком тоже сбегут и направятся в условленное место. Но я не представляю, каким образом они доберутся туда безоружными и без всего необходимого. Дела наши очень и очень плохи. Смуга не сомневается: кампа собрались восстать против белых в Монтанья⁵. Если мы не успеем помочь нашим друзьям, какая же судьба тогда их ждет? Не хочу даже думать об этом! Салли подбадривает нас, утверждая, что двое таких замечательных мужчин нигде не пропадут. Только бы она была права!

Впрочем, не будем гадать. Надо как можно скорее отправиться туда с оружием и экипировкой. Пытаюсь уладить вопрос с экспедицией, но денег у нас

³ Кампа, или ашанинка, – один из самых многочисленных коренных народов в Перу. Говорят на языке аравак. Живут в треугольнике, образованном реками Укаяли, Пачитеа, Тамбо и Перене. Кампа делятся на три группы – ацири обитают у рек Чени и Тамбо, отличаются простотой обычаев; аутанири населяют самые глухие районы и редко общаются с белыми людьми; амацанге скрываются в лесах Восточных Анд (в горах на юге Гран-Пахонали), они считают белых злейшими врагами.

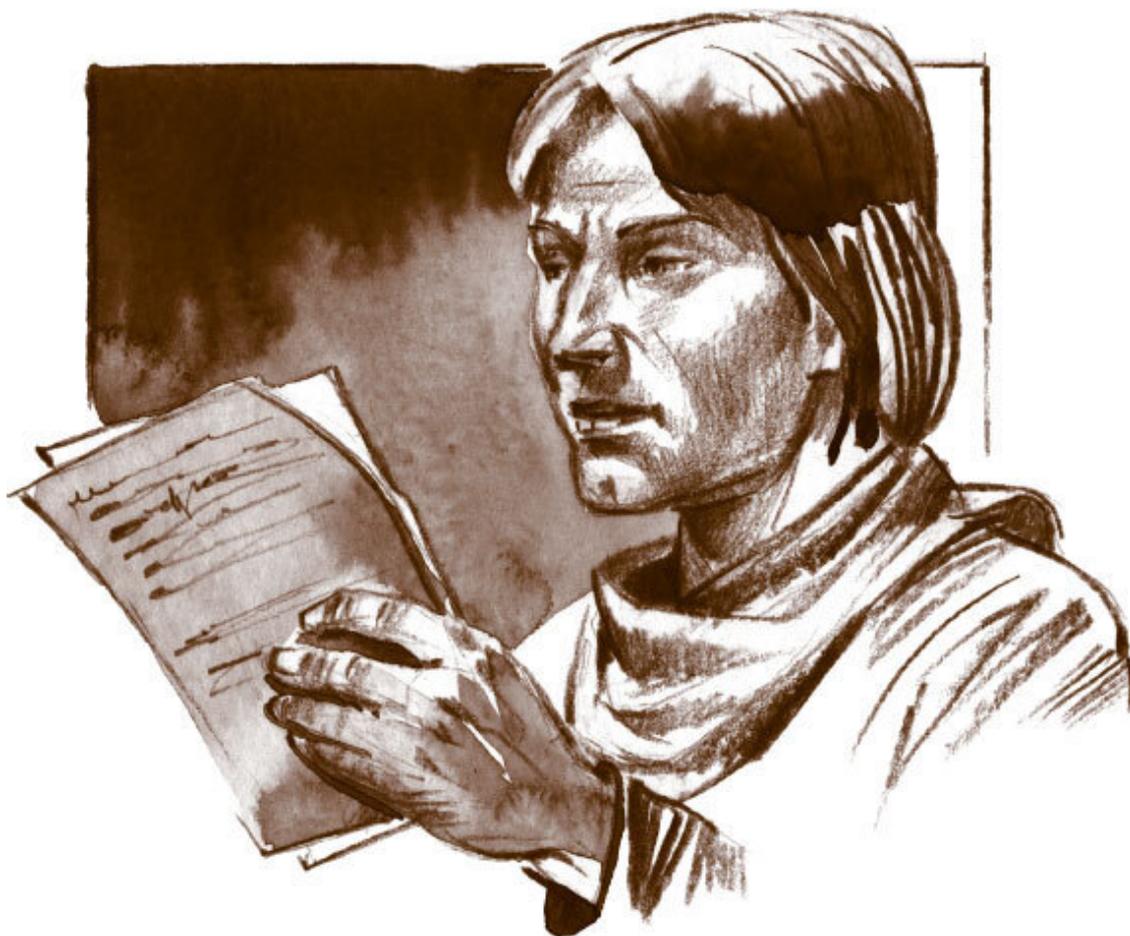
⁴ Гран-Пахональ – степное высокогорное плато на востоке Перуанских Анд. Равнины Гран-Пахонали используются для выпаса лам и альпака.

⁵ Монтанья (исп. La Montaña – «гора», «вершина») находится в восточных предгорьях Анд в Перу, примыкая к равнинам Амазонии. Это одна из трех крупных физико-географических областей Перу по высотному признаку. (Две другие области – Коста и Сьерра.)

не слишком много. Хоть кампа не отняли у нас ни гроша, того, что есть, все равно не хватит. Поэтому я и встретился с директором банка в Икитосе. Он мне сказал, что ты со дня на день должен увидаться с ним, чтобы выяснить, где мы. Поэтому отправляю письмо на адрес банка.

Мы остановились в отеле «Боливар», а наши верные товарищи из племени кубео воспользовались приглашением родных инженера Хабича⁶, умершего в прошлом году. В отеле индейцы чувствовали себя не в своей тарелке. Наш Динго остался с ними, так ему будет вольготнее.

Дорогой папочка! Больше и писать нечего. Подробности расскажу тебе при встрече. Ждем не дождемся, номер для тебя уже заказан. Целуем тебя и крепко обнимаем.

Томаш Вильмовский закончил читать вслух адресованное отцу письмо и вопросительно посмотрел на жену и двух других слушателей – на своего двоюродного брата и его жену Наташу.

– Ни за что не написала бы такое же толковое письмо, – похвалила его Салли. – То-то все мои подружки по пансиону в Австралии всегда просили, чтобы я им читала твои письма.

Томек улыбнулся жене, а затем спросил:

– Збышек, а что вы с Наткой думаете?

⁶ *Эдвард Ян Хабич* (1835–1909) – профессор, почетный гражданин Перу, поляк по происхождению. В 1869 году Хабич занял пост инженера при правительстве Перу и сыграл огромную роль в развитии страны, так же как Игнаций Домейко в развитии Чили. Он основал первое в Латинской Америке высшее техническое учебное заведение и до конца жизни оставался его ректором. На должности преподавателей Хабич пригласил из Парижа польских инженеров: Ксаверия Вакульского, Владислава Клюгера и Феликса Кухажевского.

– Ты очень ясно и связно все описал. И верно заметил, что все подробности расскажем твоему отцу по его приезду. Просто камень с души упал! Уверен, дядя отыщет наилучший способ справиться со всеми этими неурядицами. А ведь господин Гагенбек был против, чтобы он поехал с нами, и вот теперь пожалуйста – дядя уже на пути в Икитос! Сейчас же отправим ему это письмо!

Гагенбек (Хагенбек), Карл (1844–1913) – немецкий дрессировщик, зоолог, коллекционер диких животных, основатель зоопарка в Штеллингене, около Гамбурга, – первого в мире зверинца, в котором животные содержались в естественных природных условиях. В 1908 г. выпустил книгу «О зверях и людях», в которой подробно рассказал о выстроенной им новой системе акклиматизации и содержания диких животных в зоопарках и зоосадах.

– Минутку, Збышек, – остановила его Салли, – сначала мы все должны подписаться под письмом.

– Мои дорогие, похоже, теперь и я обретаю надежду, – вмешалась Наташа. – Вы ведь и вправду верите, что Смуга и Новицкий сумели выжить после нашего побега? Они ни на минуту не выходят у меня из головы!

– Ничего, мы еще попляшем на свадьбе Тадека Новицкого, вот увидишь, – заверила ее Салли.

Наташа с печальной улыбкой прошептала:

– Если бы я могла увидеть, что с ними сейчас...

II Встреча с пумой

Солнце клонилось к западу, окрашивая серебром белые шапки вечных снегов и ледники на вершинах величественных гор. На склонах все еще царил день, но в глубине ущелья уже сгустились сумерки.

Высокий плечистый мужчина уверенно шагал по обрывистой горной тропе. На первый взгляд его можно было принять за индейца. Густые, непокорные, коротко остриженные волосы, медно-красный оттенок кожи – ни дать ни взять местный житель. И все-таки им оказался белый человек. В отличие от индейцев, обычно ходивших полуголыми, мужчина был одет в сорочку и выдавшие виды штаны, на ногах – высокие башмаки. Походка выдавала в нем моряка – ведь капитан Новицкий и был моряком. Мужчина явно спешил, уже представляя себе пышную зелень на дне ущелья, резко контрастировавшую с голыми скалистыми склонами.

Новицкий не любил горы. Он считал, что не ему, с его фигурой Геркулеса, уподобляться ламам, которые легко взбирались на любую отвесную скалу. Однако от изменчивой судьбы приходилось то и дело ждать подвоха. Вот и теперь его занесло в эту перуанскую глушь на восточных склонах Анд – самой протяженной в мире горной цепи, высотой уступавшей лишь Гималаям.

Немного устав, Новицкий остановился у одного из валунов и присел передохнуть. Прищурившись, посмотрел на запад. Сверкающие ледники, словно зеркала, отражали отблески заходящего солнца. Новицкий нахмурился и перевел взгляд на север, где высился огромный вулкан. Вздохнув, капитан недовольно пробормотал:

– А, чтоб тебя кит проглотил! Там слепнешь от этого ледника, а тут для разнообразия торчит перед глазами вулкан! Куда ни глянь, повсюду эти горы, горы, черт бы их побрал! Вот досада! И ведь это ж надо, чтобы такого мирового парня, как Смуга, вечно заносило в дыры хуже некуда. Одни неприятности с ним... То в Африке мулат пырнул его отравленным ножом, то он в Тибете сгинул без следа, то затащил нас к этим охотникам за головами, а теперь делает вид, что повелевает краснокожими дикарями, а сам у них в плену. Такую кашу заварил, а мне с ним ее расхлебывать!

Но как бы ни ворчал Новицкий на Смугу, на самом деле он был готов идти за друга в огонь и в воду. Он безмерно уважал этого незаурядного путешественника, восхищался им и любил как брата. Вот и сейчас, вслух сетуя на неугомонного друга, он ни на мгновение не почувствовал раздражения на то, что именно из-за Смуги они угодили в такую ситуацию. Новицкий и сам обожал приключения и чувствовал себя в них словно рыба в воде. Отважного моряка с берегов Вислы нимало не заботила собственная безопасность, но его очень тревожила судьба дорогих ему людей – Томека Вильмовского и его бесстрашной жены Салли.

Побег Томека и его друзей был обнаружен спустя два дня. Смуга и Новицкий оставались в селении кампа, терпеливо выжидая удобного момента, чтобы скрыться. Но ничего не предвещало, что такой момент скоро настанет. По словам Смуги, загадочное исчезновение пленников и появление Новицкого произошли по воле богов. Кампа, похоже, поверили зверолову, но бдительность тем не менее усилили. Друзья с тревогой наблюдали, как вооруженные группы индейцев отправились к юго-западу, и с нетерпением ожидали их возвращения. И когда кампа вернулись ни с чем, вздохнули с облегчением.

В сравнении с дромадером и двугорбым верблюдом верблюды Нового Света, так называемые **ламы** (*Auchenia*), могут назваться карликами. Они принадлежат к горным животным. Голова у них большая, с острой мордой, большие уши и глаза, тонкая шея, высокие ноги с незначительными мозолями и длинная волнистая шерсть. Горба нет. Длинный, узкий язык покрыт твердыми роговыми бородавками; книжки в желудке нет; длина кишечника в 16 раз больше длины туловища.

Ламы разделяются на 4 отдельных вида: гуанако, собственно ламы, пако, или альпака, и викунья. Но многие считают лам и альпака лишь за прирученных потомков гуанако. В диком состоянии теперь встречаются лишь последние и викунья. Живут все ламы только в высоких холодных странах Кордильер. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Миновало три недели, время поджимало. Как поступит Томек, не дождавшись друзей на боливийской границе? Скорее всего, вернется за ними в затерянное в ущельях Анд тайное поселение индейцев. Допустить это Смуга и Новицкий никак не могли.

Сидя на валуне, Новицкий напряженно размышлял, то и дело вздыхая. Он отлично понимал: если они со Смугой не хотят, чтобы Томек вновь угодил в плен, бежать следует немедленно.

«А вдруг не получится?» – мрачно подумал Новицкий и буркнул:

– Чтоб их бешеная акула сожрала, этих ненормальных дикарей! Сколько мы уже от них натерпелись!

Хоть он и назвал кампа дикарями, но на самом деле относился к ним по-доброму. Когда-то в Аризоне, на границе между Соединенными Штатами и Мексикой, они с Томеком встретили североамериканских индейцев⁷, а сейчас он находился среди южноамериканских. Не раз он убеждался, что индейцы ничем не отличаются от обычных жителей Земли. Среди них попадались и благородные, и подлые, и доброжелательные, и злобные. А ненависть коренного населения Америки к белым была вызвана поведением алчных и жестоких завоевателей из Европы.

Новицкий сочувствовал индейцам в их бедах. Ведь и его любимая родина находилась под властью трех ненавистных поработителей⁸. Он сознавал, что вместе с друзьями без приглаше-

⁷ Об этих событиях читайте в книге «Томек на тропе войны».

⁸ Родина Новицкого – Польша – с 1795 по 1918 год находилась под властью трех империй: Российской, Германской и Австро-Венгерской.

ния вторгся на принадлежавшие кампа земли, поэтому индейцы вполне могли считать их завоевателями. Тем не менее кампа уважительно относились к Смуге, считая его не только вождем, но и талисманом племени, и ничего дурного не делали самому Новицкому. Им нравились его недюжинная сила и отвага, а также дружелюбие. Со Смуги кампа глаз не спускали, а Новицкому разрешали побродить в одиночестве по окрестностям и даже вернули ему охотничий нож, чтобы не оставлять совсем безоружным. Видимо, индейцы понимали, что без Смуги он никуда не убежит.

И Новицкий всю пользовался предоставленной ему свободой. При любом удобном случае отправлялся в горы, изучал тропы, отлично понимая, что в случае побега знание местности будет необходимо. Вот и сейчас он отдыхал после продолжительной прогулки на юго-восток. Дыхание его стало ровным, и он снова посмотрел на запад. Солнце уже почти касалось белоснежных сверкающих вершин.

– Что-то я сегодня припозднился... – вполголоса проговорил он.

И, поднявшись с валуна, стал быстро спускаться в ущелье. До развалин древнего города было недалеко, вот только в этих местах ночь наступала внезапно. Вскоре Новицкий очутился на выступе скалы. Чуть ниже буйно зеленели деревья и кусты, между которыми извивалась плотно утоптанная широкая тропинка. Он присел, собираясь спрыгнуть на нее, но неожиданное зрелище приковало его к месту.

На тропе стояла Агуа, самая младшая жена шамана племени. Женщина замерла как вкопанная, и лишь слегка подрагивали ее вытянутые вперед руки. В глазах индианки застыл ужас.

Новицкий моментально понял, в чем дело. В двух шагах от оцепеневшей женщины маленький мальчик, наклонившись, крепко держал вырывающегося детеныша пумы. А у него за спиной уже готовилась к прыжку серебристо-рыжая мать детеныша. Злобно оскалившись, пума яростно молотила хвостом. Видимо, хищница отправилась на вечернюю охоту, а котенок увязался за матерью и случайно встретился с индианкой и мальчиком. Ребенок и не подозревал, в какой ужасной ситуации оказался. Американские львы, или пумы, редко нападают на человека – только в случае опасности для них или их детенышей. И в этот момент ее драгоценному малышу что-то угрожало, а пумы – очень заботливые мамы...

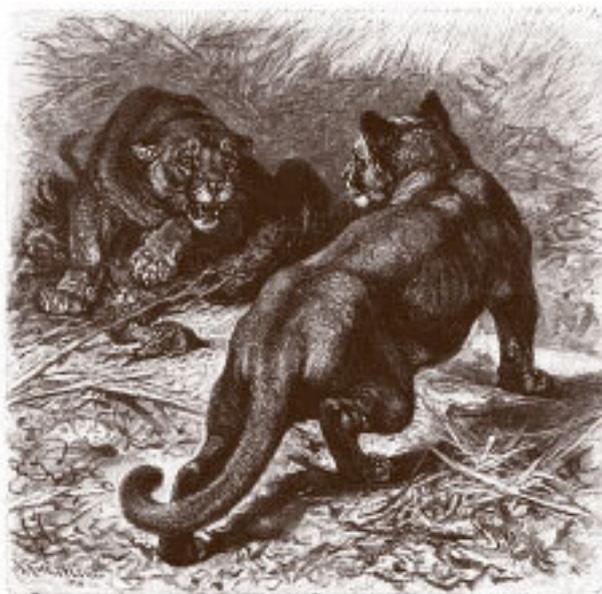

«Оба сейчас погибнут – и женщина, и ребенок!» – мелькнуло в голове у Новицкого.

Он не колебался ни мгновения. Подавшись вперед, стал крадучись, шаг за шагом, продвигаться к выступу скалы. Оказавшись посередине между ребенком и разъяренной пумой и не отрывая взгляда от зверя, Новицкий сдвинул ножны на правый бок.

Пума еще не заметила человека, затаившегося на нависшем над тропой выступе скалы. Зверь полностью сосредоточился на своем попискивающем от страха детеныше. Злобный блеск зорких прищуренных глаз, белый оскал смертоносных клыков, тело хищника напряглось... Глухо зарывчав, пума пружинисто прыгнула вперед. Но в этот момент прямо на спину ей рухнул Новицкий и всем телом пригвоздил хищницу к земле. Просунув левую руку под голову зверя, он едва уловимым движением притиснул ее к своей груди. Железное объятие! Из разинутой пасти послышался хрип. Тело пумы изогнулось дугой, но Новицкий был готов к схватке. Его ноги будто стальными клещами стиснули разъяренную пуму, не позволяя ей скинуть его со спины. Он понимал, что стоит этой зверюге опрокинуть его на землю и она немедленно перегрызет ему горло.

Между человеком и хищником разыгралась борьба не на жизнь, а на смерть. Сплетенные в клубок, Новицкий и пума, человек и зверь катались по земле, и невозможно было угадать, кто кого одолеет. У Новицкого на руках напряглись жилы, по лицу струился пот. Острые когти пумы полоснули по его левому бедру. Единоборство принимало опасный оборот. Новицкий еще сильнее сдавил шею зверя одной рукой, а другой потянулся к ножу за поясом. И вот стальное острие воткнулось в сопротивляющееся тело, а потом снова и снова... Казалось, еще пара секунд – и ослепленное болью и злобой животное сбросит человека на землю, но в этот момент клинок вонзился в сердце пумы. Тело большой кошки обмякло, движения ослабели, и наконец хищник замер навсегда.

Самым замечательным представителем американских одноцветных кошек должен быть признан **кугуар, серебряный лев, или пума** (*Felis concolor*), длиной в 1,2 м при хвосте в 65 см, широко распространенный не только в Южной Америке, а даже в Мексике и Соединенных Штатах до Канады. Густая, короткая и мягкая шерсть пумы окрашена в темно-желтовато-красный цвет; на груди – светлее; голова серая. Любимым местопребыванием его являются в лесистых местностях лесные опушки, в пампасах – густая трава. Днем пума спит на деревьях или в траве, ночью же выходит на добычу. <...> По наружности это просто кот, только кот огромных размеров. Зато храбрость кугуара – чисто львиная: он не отступает ни перед каким врагом, кроме человека; да и последнего он нисколько не боится, хотя никогда не нападает на него и вообще – странный факт – выказывает по отношению к

двуногому повелителю земли какую-то приязнь. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

Обессилевший Новицкий еще долго лежал на земле, не отпуская прижатую к груди голову пумы. Убедившись, что зверь не шевелится, он понял – борьба окончена. Отпихнув от себя тушу, капитан сел. Тяжело дыша, огляделся, ища индианку и ее ребенка. Молодая женщина, присев на корточки, прижимала к груди перепуганного насмерть мальчишку. Новицкий, улыбнувшись, заговорил с ними на забавной смеси языков аравак, кечуа и испанского⁹:

– Все! Можешь не бояться! Иди домой!

Новицкий попытался встать, но его пронзила острая боль в левом бедре. Он покосился на ногу. Через разорванную штанину виднелась длинная кровоточащая полоса.

– Чтоб тебе сто издохших китов в зубы! – пробурчал охотник. – Вот так царапнула, зверюга! Надо остановить кровь...

Недолго думая, он стянул с себя рубашку, ножом отрезал рукава. Быстро и умело перевязал импровизированными бинтами ногу, после чего поднялся и, пошатываясь, подошел к тем, кому только что спас жизнь. Взял ребенка на руки. Мальчуган, доверчиво прижавшись к мужчине, обнял его за шею.

– Ну-ну, братишка, не бойся, нечего теперь бояться, – успокоил его Новицкий. – На счастье, я вовремя подросел. Агуа, собирайся, надо идти, пока не стемнело.

Но женщина так и сидела на земле, изумленно и не без восхищения глядя на Новицкого. Индейцы всегда очень высоко ценили мужество и силу мужчины, но индианку изумила не только безграничная отвага Новицкого. Этот почти безоружный, если не считать ножа, белый пленник рисковал жизнью ради спасения своих недругов.

А Новицкий и предположить не мог, что происходило в душе этой красивой молодой индианки. Всю жизнь он был уверен: долг сильного – выручать и спасать слабых, тем более женщин и детей. Он просто поступил так, как должен был, и ничего больше. Реакция индианки начала его раздражать.

– Ну чего ты на меня уставилась? – рявкнул Новицкий. – Не видала мужика в драных штанах? Ну, может, и правда не видала. Сами-то голышом расхаживаете, тебе и штаны в диковинку... Ладно, хорошего понемножку. Пошли, а то в животе от голода уже бурчит.

После этих слов индианка совсем перестала что-либо понимать. Выходит, белый человек считает свой поступок чем-то обычным. Она поднялась, так толком и не сообразив, что к чему.

– Тебя поранила пума. Сам дойдешь? – спросила женщина.

– Дойду не дойду, а надо идти. И поскорее, – напомнил Новицкий. – Когти у зверя грязные, надо промыть рану, чтобы не загноилась.

– Онари разбирается в снадобьях, он тебе поможет, – заверила его Агуа.

– Помню-помню, твой уважаемый муженек колдует с травами и ядами, как та ведьма с Лысой горы или аптекарь, – шутливо отозвался Новицкий. – Бери своего сынка, а я возьму этого котеночка. Одному ему по зарослям рановато бегать. Раз уж я прикончил его мамку, придется мне быть за отца.

– Дай мне пуму, она моя, моя! – захныкал мальчик.

– Твоя, братишка, твоя! – не стал перечить Новицкий. – Знаю, вы обожаете держать зверье у себя в хибах. Только гляди, чтобы она не слопала твоих обезьянок и попугаев¹⁰.

⁹ Племена, обитавшие в тропических лесах Южной Америки, принадлежали к разным языковым группам. После испанского завоевания европейцы пользовались при общении с местным населением своеобразным жаргоном – смеси кечуа, испанского и местных языков.

¹⁰ Индейцы очень любят животных, поддающихся одомашниванию, и держат их у себя в жилище. О питомцах они заботятся хорошо, а птиц даже кормят изо рта. Чаще всего в хижинах индейцев можно увидеть обезьян, попугаев, туканов, капибар и черепах.

С этими словами Новицкий подхватил жалобно мяукавшего детеныша пумы и, прихрамывая, зашагал к селению. Быстро темнело. Агуа прибавила шаг – индейцы побаиваются ночных прогулок в джунглях. Новицкий это знал, но едва поспевал за ней – давала о себе знать рана на бедре. Постепенно тропа становилась все шире, и наконец они вышли в широкую холмистую долину, окаймленную горами. Слева на крутом скалистом выступе смутно белели в темноте руины древнего города, за которыми в небо вздымался вулкан со срезанной вершиной. По правую сторону внизу были видны жилища воинственных и свободолюбивых кампа.

Селение состояло из трех десятков многосемейных и односемейных хижин, на языке кампа они назывались «пангоче». Это были типичные для местных индейцев постройки. Фундаментом служили массивные, врытые в землю столбы из твердых пород деревьев, благодаря которым хижины были защищены от сырости и потоков воды во время тропических ливней. На определенной высоте сваи соединялись более легкими балками и брусками, связанными гибкими лианами, а иногда это были просто открытые со всех сторон надземные веранды. Многосемейные дома имели большие круглые соломенные крыши, односемейные – остроконечные из пальмовых листьев. Внутри большие дома разделялись перегородками из бамбука¹¹.

Многосемейные дома стояли в некотором отдалении друг от друга. В них проживали семьи одного рода, подчинявшиеся старейшине. На окраине селения размещались односемейные хижины. В них обитали те, кто чем-то не устраивал старейшину, либо те, кто по своей воле не пожелал жить в громадном общежитии.

Шаман Онари занимал отдельный просторный дом, поскольку не хотел ни с кем делиться тайными знаниями о магии и свойствах лекарственных растений. Агуа с ребенком на руках первой ступила на веранду дома супруга. Ее тут же стала осыпать сварливыми упреками старшая жена шамана, стряпавшая еду на костре.

Агуа повернулась к Новицкому:

– Обожди здесь, я сейчас вернусь, – и исчезла в глубине дома.

Новицкий грузно опустился на высокий порог веранды. Детеныш пумы, которого капитан все еще держал под мышкой, стал вырываться и задними лапами задел ему бедро. Прижав к ноге ладонь, Новицкий зашипел от боли. Импровизированная повязка пропиталась теплой липкой кровью. И без того острая боль усилилась.

Тем временем из дома донеслись громкие голоса мужчины и нескольких женщин. Новицкий прислушался, но тут заговорили тише, и он уже не смог разобрать слов. Вскоре из дома вышла старшая жена шамана.

– Идем, могущественный Онари займется тобой! – позвала она.

Новицкий с трудом поднялся на веранду. Заметив это, индианка подставила ему крепкое плечо и привела в отделенное перегородкой помещение.

Моряк впервые переступил порог дома шамана. Новицкий знал, что индеец с явным подозрением относится к двум белым пленникам и все время настраивает против них своих сородичей. Онари был племянником предыдущего шамана, которого убил Смуга, когда тот пытался столкнуть в пропасть Салли и Наташу. Большинство кампа поверили Смуге, обвинившему шамана в намерении прервать обряд, однако Онари был не из их числа. Он подозревал, что Смуга коварно убил дядю в собственных целях и обманул доверчивых кампа. Оба пленника ощущали исходившую от этого смекалистого шамана враждебность и предпочитали

¹¹ Индейцы тропических лесов даже после европейского завоевания сохранили традиционные типы жилищ. Их дома весьма разнообразны. Малоки – хижины длиной до 60 метров, высотой 18 метров, покрытые огромной полуовальной соломенной крышей, свисающей почти до земли, в которой жили семейные сообщества, включающие 70–100 и более человек. Индейцы-кашибо строили небольшие односемейные хижины, покрытые остроконечными крышами из пальмовых листьев. На территории амазонских джунглей были также распространены похожие на веранду наземные хижины без стен, с соломенными крышами, построенные на высоких сваях. Индейцы-кампа ставили внутренние перегородки в своих домах, а, например, чама этого не делали. Постройки индейцев в тропических лесах были так идеально приспособлены к местным условиям, что даже белые владельцы гасиенд строили себе дома из тростника, которые отличались только внутренним устройством.

держаться от него подальше. Именно поэтому Новицкий не без волнения переступил порог его загадочного дома. Едва войдя, он увидел Онари – тот стоял в глубине комнаты, склонившись над подвешенными над тлеющим огнем сосуда́ми. Как и большинство своих сородичей группы амаценге, Онари ходил полуголым. Лишь низ живота прикрывал передник, подвязанный тонким шнурком. Грязное тело и лицо шамана были раскрашены магическим узором. По индейскому поверью, он оберегает от злых духов, порчи, сглаза и укусов ядовитых змей. На голове красовался венец, сплетенный из пальмовых волокон и расцвеченный яркими перьями попугаев, со свисавшим сзади диковинным хвостом из пучка крохотных засушенных колибри. На локтях и щиколотках шаман носил плетеные повязки.

Онари, подняв голову от дымившихся сосудов, взглянул на Новицкого с детенышем пумы в руках. Медленно выпрямившись, он вперил взор в пленника. Хлопнул в ладоши. На звук из-за перегородки тут же вышла Агуа.

– Забери пуму! – велел Онари, даже не удостоив взглядом любимую жену.

Когда они остались вдвоем, Онари приблизился к Новицкому. С минуту оба сверлили друг друга изучающими взглядами, после чего Онари произнес:

– Снимай штаны, виракоча¹², и положи их здесь, – и показал рукой на узкий, сплетенный из тростника и обвязанный лианами топчан. Новицкий молча повиновался. Онари неторопливо подошел к полке, тоже сплетенной из прутьев, со стоявшими на ней выдолбленными из тыквы сосудами. Налил из одного в деревянный кубок густую жидкость, после чего подошел к Новицкому. – Вот. Сперва выпей это, а затем я осматриваю твою рану.

– Шаман, ты усыпить меня вздумал? Это еще что за дрянь? – насторожился Новицкий. – Ничего, перебыюсь и так. Как-нибудь смогу выздороветь.

– И без тебя знаю, что ты способен заглянуть в глаза гибели, – отрезал Онари. – Но у всех нас есть своя тайна. Поэтому не упрямясь и выпей!

Новицкий раздумывал, в упор глядя на шамана, чье лицо так и оставалось непроницаемым. Онари, догадавшись, что на уме у пленника, произнес:

– Ненавижу белых, и тебе это известно. Но ты, рискуя жизнью, спас от смерти моих жену и сына. Никакой это не яд, выпей!

– Хорошо, пусть будет по-твоему! – уступил Новицкий, усмехнувшись про себя проницательности шамана. Взяв из его рук кубок, он выпил тягучее зелье.

Шаман снова подошел к очагу и под шепот заклинаний и заунывное пение занялся приготовлением снадобий.

Новицкий лежал неподвижно, блуждая взглядом по жилищу шамана.

По углам суетились пестрые попугаи с подрезанными крыльями. У некоторых в хвостах недоставало перьев, – видимо, кампа выдрал их для украшений. За птицами гонялась мартышка, хватала их за хвосты и повизгивала от удовольствия, когда, кудахча, словно куры, попугаи неуклюже пытались убежать или же пускали в ход изогнутые массивные клювы.

Новицкому надоело наблюдать за их забавами. Боль ушла, а размышлять было лень. Минуту или две он созерцал развешенные на балках кукурузные початки, гроздь бананов, пучки каких-то трав, испускавших одурманивающие запахи, связки прутьев для изготовления стрел.

Веки отяжелели. Потолок стал мерно раскачиваться, словно корабль на волнах, и расплываться. Новицкому вдруг почудилось, что он слышит доносящиеся неведь откуда мерные удары в бубен, брэнчание погремушек, тревожное пение. И тут увидел пуму... Животное не отводило от него горящих глаз, а шерстистой лапой пыталось содрать повязку с бедра. Иногда голова хищника преображалась в голову шамана, увенчанную короной из перьев, а потом Новицкий погрузился в окутавший его мрак.

¹² Согласно мифологии инков, Кон-Тики Виракоча – божество, представитель белой расы, бородач, который не выдержал людской неблагодарности и отправился в бесконечное плавание по морю. Когда европейские конкистадоры прибыли в Южную Америку, местные жители приняли их за посланцев Виракочи. До сих пор кое-где чужестранцев называют «виракоча».

III

Беседа друзей

Новицкий сделал глубокий вдох, затем медленно открыл глаза. С удивлением понял, что лежит у себя на топчане, в той самой комнате, которую они вместе со Смугой занимали в одной из каменных построек древнего города. Еще не до конца пробудившись от глубокого и долгого сна, он лениво рассматривал дыру в потолке, через которую проникали палящие солнечные лучи. Новицкий не мог сосредоточиться: в голове то и дело возникали непонятные образы. То какие-то пумы крутились вокруг, а он, по примеру Томека, пытался укротить их с помощью гипноза, то шаман в высоком венце из перьев на голове, коварно хихикая, пытался подсунуть ему яд, а стоявшая за спиной мужа Агуа строила Новицкому глазки. Это видение и доконало капитана – он окончательно проснулся.

«Чтоб тебя кит слопал! Приснится же такая ерунда!»

Какое-то время он продолжал неподвижно лежать, постепенно приходя в себя. Фрагменты событий минувшего дня мало-помалу складывались в связную картину – схватка с пумой, таинственный Онари, осматривавший его рану... Чтобы полностью убедиться, что это ему не приснилось, Новицкий уселся на топчане. Быстро сбросив с себя укрывавшую его мягкую звериную шкуру, он заметил широкую повязку на левой ноге.

– Сто пар бочек прогорклого жира! – вполголоса выругался Новицкий. – Оказывается, точно, никакой не сон!

И тут же у него за спиной раздался хорошо знакомый голос:

– Добрый день, капитан! Точно не сон. И не советую тебе делать резких движений.

Новицкий резко обернулся. На топчане в глубине комнаты сидел Смуга. Поднявшись, положил погасшую трубку в карман и подошел к своему другу.

– Добрый день, Ян! – беззаботно отозвался Новицкий. – Ты только глянь – солнышко уже пригревает, а я еще в постели! Как я здесь очутился? Не могу ничего вспомнить. Этот индеец-шаман усыпил меня в своей хижине, а потом...

– А потом ночью кампа перенесли тебя на носилках. Ты спал как убитый, – продолжал Смуга. – Ну и напугал ты меня!

– Было бы чего пугаться. Понимаю, произошло б со мной что-нибудь страшное... А так ерунда, кошка полоснула когтями. Просто царапина.

– Ничего себе царапина! – ухмыльнулся Смуга. – Я все знаю, Онари рассказал. Пойми, здесь с такими ранами не шутят. Не дай бог еще заразу занесешь.

– Я все и так понимаю. Поэтому и приполз к шаману, хоть мы ему и не доверяем.

– Правильно сделал, что приполз, – согласился Смуга. – Здешние шаманы знают столько разных лечебных трав, кореньев, растений! Нашим европейским врачам им бы позавидовать, но они же их презирают, за шарлатанов держат. Онари говорит, что рана скоро затянется. Теперь я спокоен – он в этом толк знает.

– Так ты и у него побывать успел? – удивился Новицкий.

– Незачем было ходить – он сам здесь был. Тебя притащили под его надзором. И ночью два раза приходил. Поил тебя какими-то отварами, дымом окуривал, бубнил свои шаманские «колыбельные», как ребенку, – усмехаясь, пояснил Смуга.

– Ну, раз уж так все было, вынужден признать, что он вел себя достойно, хоть и терпеть нас не может. Не поймешь их, этих индейцев!

– Вообще-то, если они не воюют – это гордые, прямодушные, вполне приятные люди. Ты их покорил своим благородным поступком и смелостью, а уж они это ценят, можешь не сомневаться.

Новицкий был одновременно и польщен, и смущен словами друга. Смугу он знал не первый день, всегда преклонялся перед его отвагой, выдержкой и ценил его опыт. Тем более ему было приятно услышать от него похвалу.

– Черт возьми, что это значит? Где моя одежда?

– Принесли тебя сюда в чем мать родила, но вот кушму оставили.

Сказав это, Смуга кивнул в сторону лавки, где лежало долгополое одеяние, в каком он и сам предстал перед Новицким.

– Бог ты мой, что это за балахон такой? – недовольно спросил Новицкий. – Я в нем ни дать ни взять японский борец. Уж лучше голышом разгуливать, как эти кампа.

– Не сомневаюсь, что им это пришлось бы по душе, – хохотнул Смуга. – Только не все кампа ходят голышом даже здесь. Родственные индейцам-кампа ацири и аутанири носят кушмы, которые переняли, между прочим, от жителей соседних Централных Анд¹³. Самые примитивные из племен – амаценге, те вообще ничего не надевают. Да при такой жаре в джунглях на восточных склонах Анд это и ни к чему. Ты особо не тревожься насчет одежды, тебе все равно еще надо лежать. И не день и не два, чтобы рана зажила как следует.

– И то верно, – не стал спорить Новицкий. – В любой момент нужно быть готовым делать отсюда ноги. И моя нога должна зажить, иначе как мне за тобой угнаться? Время не терпит. Да и мне покоя не дают мысли о Томеке.

– Мне тоже, – кивнул Смуга. – Нужно смыться отсюда в ближайшие дни. Может, вскоре представится случай?

– Ты правда так считаешь? – с надеждой в голосе спросил Новицкий.

Помолчав с минуту, Смуга высказался:

– Ты своим смелым поступком заработал признание кампа. По сути, они люди как люди. Даже Онари, тот самый, кто еще недавно больше остальных сделал нам гадостей. А сейчас? Подумать только – он тебя выхаживает!

– Это может быть важно для нас?

– Может, и так, а может, и нет. Но я не сомневаюсь, что мы здорово выросли в их глазах. Однако у индейцев настроение меняется быстро. Как бы то ни было, скоро наше положение прояснится.

¹³ Многочисленные племена, населяющие равнинные леса Восточных Анд в Монтанье, заимствовали отдельные элементы материальной культуры народов Централных Анд, в частности одеяние под названием «кушма». Также они научились у них выращивать картофель и разводить скот (лам и альпака). Кроме того, на смену гамакам, используемым для сна, пришли топчаны. Гамаки остались только в качестве колыбелей для грудных детей.

Из-за закрывающей выход циновки слышались приглушенные женские голоса и характерное позвякивание колокольчиков, сделанных из семян какого-то растения. Женщины

обычно подвязывают такие колокольчики на шнурке вокруг пояса и надевают для исполнения танцев или в особых случаях.

Друзья тут же умолкли, явно заинтригованные происходящим. В помещение вошли несколько молодых женщин во главе с Агуа. Как и почти на всех обитательницах джунглей, на них были надеты лишь два сшитых вместе коротеньких передничка из плотного коричневого домотканого полотна, прикрывавших лишь живот и ягодицы. Длинные черные прямые волосы спадали на спину, почти доходя до пояса. На шее у каждой из них на сплетенном из стеблей растений разноцветном шнурке висел деревянный гребешок.

Новицкий широко улыбнулся гостям. При виде полных еды блюд он на пару секунд даже позабыл обо всех своих тревогах и болях. С прошлого утра он не проглотил ни кусочка – по милости шамана капитан проспал весь вечер и всю ночь. Аппетитный аромат жареной курятины и рыбы, запеченного сладкого картофеля, риса, фасоли, кукурузы и свежих бананов, да еще и здоровенный кувшин масато¹⁴ привели Новицкого в отличное настроение.

– О-го-го, Янек, ты только посмотри! – воскликнул он по-польски. – Не хуже, чем в варшавском «Бристоле», а официантки одеты как на танцы, даже посмотреть приятно.

– Верно говоришь! – согласился Смуга. – Такие дамы точно наделали бы переполоху в «Бристоле».

Агуа остановилась перед Новицким и, приглядевшись, сказала:

– Вижу, кумпа, тебе уже гораздо лучше. Вчера ты был ужасно голоден, но Онари утверждал, что ты проснешься еще не скоро. Вот поэтому мы и принесли еду только сейчас.

Смуга с Новицким обменялись многозначительными взглядами. Впервые с пленения кампа назвали одного из них «кумпа», то есть кумом, словом, с которым обращались к кровным родственникам или друзьям. Довольный Новицкий ответил ей:

– Благодаря добрым снадобьям твоего муженька рана мне почти не досажает. Вот скоро встану на ноги и тогда с вами, красавицы, погуляю как полагается. Вижу, вы как на танцы вырядились.

Индианки с улыбкой расставляли на лавке блюда и с любопытством разглядывали белых мужчин. Агуа же, все еще не отходя от Новицкого, продолжала:

– Онари знает, что рана скоро заживет. Своими чарами он снял с тебя порчу, которую напустил злой дух, живший в пуме.

– Сеньор Смуга рассказал мне, что Онари сидел подле меня, – сообщил Новицкий. – Я отблагодарю его, как только поправлюсь.

– Он сам придет осмотреть рану.

– Вот и хорошо, тогда и поблагодарю. Можешь мне сказать, где моя одежда? В этой кушме мне как-то неудобно...

– Не волнуйся об этом, кумпа, – успокоила его индианка. – Старшие жены Онари чинят твои штаны. Солнце не успеет зайти, как их тебе отдадут.

– Ну, раз так, то приступлю к еде со своим другом, ведь я голоден настолько, что и тебя бы съел!

Женщины визгливо расхохотались. Агуа тоже.

– Вот уж напугал, кумпа! – отмахнулась она. – Только уитото и кашибо едят человечину.

Индианки с хохотом выбежали наружу, позвякивая колокольчиками, и друзья остались в одиночестве.

– Ну и что теперь скажешь, кумпа Новицкий? – шутливо осведомился Смуга.

¹⁴ *Масато* и чича – спиртные напитки индейцев. Их изготавливают путем сбраживания. Для приготовления масато в землю зарывают объемистые глиняные сосуды так, чтобы над землей оставалась только верхняя часть. Затем женщины садятся вокруг сосуда, пережевывают вареную юкку и кукурузу и выплевывают их в сосуд. Туда же добавляют и вареные бананы, после чего все заливают холодной водой. Процесс брожения занимает три дня. Потом снова добавляют воду, массу тщательно перемешивают – и напиток готов к употреблению.

– Похоже, эти хохотуньи сообщили нам недурную новость, – ответил Новицкий, вонзая зубы в ножку курицы. – Но сначала поедим, а то на голодный желудок никакие умные мысли не идут в голову.

Какое-то время они ели молча. Смуга в немом восторге смотрел на Новицкого, который поглощал одно блюдо за другим. Наконец, утолив голод, тот потянулся к большому кувшину:

– Выпьем, Янек! Масато в умеренных количествах способствует пищеварению.

Смуга со вздохом ответил:

– Ох и завидую я тебе, Тадек! Я намного дольше живу среди индейцев, но до сих пор на их масато и чичу смотреть не могу без содрогания.

– Ну ты уж и привереда! Томек тоже не переносил чичу, когда мы были у индейцев-кубео. Подумаешь, женщины племени сначала пережевывают кукурузу для напитка. Что тут такого? Видно, их предки передали им способ приготовления. И потом, они после еды полощут рот.

– А ты не видел, случаем, что за рты у этих старух? Они же постоянно жуют коку!

– Не хватало мне еще на старух заглядываться! – возмутился Новицкий. – К тому же излишнее любопытство ни к чему хорошему не приводит. Например, владел мой дядька на Повислье пекарней, а я мальчишкой обожал всюду нос совать. И вот однажды вечером, а дело было как раз на каникулах, пошел посмотреть, как выпекают хлеб. Духота ночью тогда стояла страшная. Да и печь просто раскалилась. Неудивительно, что с пекарей пот катил градом, хоть они и чуть ли не догола разделись. Так вот, месят они тесто, а пот в тесто и капает. Как мне противно стало! Утром за завтраком меня аж всего перекосило, когда вспомнил об этом. Ну и батя рассказал. А он хватя меня за ухо и говорит: «В следующий раз не суйся в кухню и не портя людям аппетит!» Поэтому давай выпьем с тобой, что ли, за все хорошее и для нас, и для наших друзей!

Выпив, Новицкий продолжил:

– Не стану скрывать: в сравнении даже с самым отвратительным ромом, не говоря уж о ямайском, масато – то еще пойло. Только ведь на безрыбье и рак рыба. А сейчас раскурим с тобой трубки и спокойно поговорим. Похоже, нам попутный ветерок в паруса задувает. Но ты утверждаешь, что у индейцев настроение часто меняется, стало быть, нужно не мешкая воспользоваться положением.

Смуга довольно долго сидел молча, попыхивая трубкой, прежде чем ответил:

– После побега наших друзей я думал, как бы нам самим последовать их примеру. Смотраться-то отсюда наверняка можно, а вот потом будет хлопотно. Пойми, нам нельзя избрать тот же самый кратчайший путь, что Томек. Кампа их хоть и не поймали, но незамеченными наши друзья точно не остались. Уверен, кто-то теперь присматривает за этой дорогой.

– Уж не задумал ли ты бежать через Гран-Пахональ? – недоверчиво осведомился Новицкий. – Где-где, а там кампа нас точно сцапают.

– Согласен с тобой, Гран-Пахональ тоже отпадает.

– Что тогда остается?

– Остается идти напрямиком на восток, через джунгли, которые населены враждебными племенами.

– Говоришь, на восток? То есть к бразильской границе? В другую сторону от места встречи с Томеком?

– Точно, в десятку! Нас ждет долгий опасный путь, но зато мы обойдем Гран-Пахональ, где, как и на юго-востоке, кампа и их союзники смотрят во все глаза.

– Ты все верно рассуждаешь, но если мы пойдем в обход, то можем опоздать на встречу с Томеком! А он как себя в таком случае поведет? Руку даю на отсечение, бросится к нам навстречу и непременно угодит в ловушку. Этого допустить нельзя ни в коем случае!

– Единственный способ – добраться до места встречи раньше Томека, – пояснил Смуга. – Нельзя больше тянуть с побегом.

– Ты все хорошо продумал, – согласился Новицкий, но в его голосе чувствовалась озабоченность. – Да вот только беда в том, что у нас нет ни оружия, ни экипировки, ни носильщиков. Кстати, эта девчонка шамана говорила о каких-то там уитото и кашибо. Они что, на самом деле людоеды?

Смуга снова набил табаком трубку, прикурил от тлевшей в углу лампадки и лишь после этого ответил:

– Я многие годы интересуюсь этнографией. И даже здесь не тратил времени даром, при малейшей возможности собирал сведения о племенах в Монтанье. Понимание их обычаев также может быть полезным во время побега, о котором я никогда не переставал думать.

– Меня всегда поражали твои знания о мире, о людях, – ввернул Новицкий. – И ты, и Томек, и его отец – вы самые настоящие ходячие энциклопедии! Ты говори, говори, я слушаю.

– В истоках Агуайтии¹⁵ живут воинственные кашибо, чама зовут их «народом летучей мыши». Они ненавидят всех – и белых, и индейцев других племен. По рекам плавают на небольших плотках. Мужчины ходят обнаженными, а женщины в коротких юбках. Убитому врагу отрубает голову, руки и ноги. Из вырванных зубов делают амулеты, а руки и ноги варят, пока мясо не отвалится от костей. Потом из костей изготавливают дудки и колчаны для стрел. Пока варят этот «бульон» из добычи, некоторые из племени пробуют его на вкус, чтобы таким вот образом отвага убитого врага перешла к ним. Отсюда и слухи о людоедстве. Мне рассказывали, что кашибо сжигают останки умерших родственников вместе со всем их скарбом, а прах поедают, чтобы унаследовать характер умерших.

– Ну и жуткие вещи ты рассказываешь, – покачал головой Новицкий. – А об уитото тебе тоже удалось разузнать?

– Вот уитото действительно людоеды и охотники за головами. Они поедают врагов, убитых в бою. Деликатесом считаются сердце, печень и костный мозг. Головы убитых врагов они высушивают до размеров головы новорожденного. В этом племени налицо влияние африканских негров – беглых рабов с плантаций. Уитото тоже общаются друг с другом с помощью тамтамов, играют на бамбуковых флейтах, стучат на бубнах. И волосы у некоторых выющиеся. А танцы уитото основываются на индейских танцах и африканской самбе.

– Странно, что уитото, раз уж они людоеды, не сжирают беглых негров-рабов, – удивился Новицкий. – Но насчет тамтамов – так и есть, я тоже об этом слышал.

– Видимо, индейцев и негров объединяла общая ненависть к белым, – пояснил Смуга. – Влияние негров куда сильнее заметно у племени кокама, живущих вблизи Икитоса. У многих из них раскосые глаза, как у индейцев, и толстые губы, как у негров.

– Чтоб их всех бешеный кит слопал! – пробурчал Новицкий. – Да уж, весело здесь, в этой Монтанье!

– Верно говоришь, Тадек, – согласился Смуга. – Что ты хочешь, Монтанья – это родина пукуны¹⁶, так здесь называют духовое оружие. Пукунами пользуются хибаро и ягуа, они тоже охотники за головами. Именно ягуа отрубили голову несчастному племяннику Никсона.

– Помню-помню, ты говорил об этом ужасном случае. Потому-то ты и попал в беду. А еще я хочу спросить тебя об индейцах племени чама, которые считают кашибо людоедами.

– Племя чама состоит из трех групп: конибо, шипибо и шетебо. Чама – люди довольно спокойные, кочевые, вечно в поисках пропитания. Совсем как наши европейские цыгане. Передвигаются небольшими группами по рекам и озерам Монтаньи на особенных лодочках. Эти лодочки для них все равно что мустанги для индейцев североамериканских прерий. Чама,

¹⁵ *Агуайтия* – левый приток реки Укаяли.

¹⁶ *Пукуня* – древнее оружие, представляющее собой полую трубку небольшого диаметра, через которую человек энергией своих легких выдувает маленькую стрелку, похожую на стрелу для лука. Обычно индейцы пользовались духовыми трубками длиной 1,8–2,5 м с отверстием 8–12 мм. Вставленный в трубку со стороны мундштука клочок хлопка, свернутый конусом, создает необходимое уплотнение в трубке.

вообще-то, народец ленивый, для пропитания довольствуются и одичавшей юккой, бананами и рыбой, а на охоту отправляются только тогда, когда их женщины требуют добыть мяса.

– Верная поговорка: не было бы счастья, так несчастье помогло, – отметил Новицкий. – Вот повезло бы, попади мы в плен к этим чама. Кампа хотя бы нас голодом не морят. Я пока еще чуточку хлебну масато, а ты говори, говори, Янек.

– Чама верят только в магию. Они думают, что у шаманов в груди сидят отравленные колючки и эти колючки могут наслать на людей смертельные недуги. Всем грудным младенцам чама деформируют головы¹⁷. Если рождаются близнецы, то считается, что это наказание женщине за недобрые дела. Близнецов, как злых духов, живьем закапывают в землю, а женщину изгоняют из племени, обрекая на гибель в полном одиночестве. А если во время родов умирает мать, отец живьем зарывает вместе с ней в землю и новорожденного.

– Дикость! Настоящее варварство! Даже поверить трудно! И это, по-твоему, тихие мирные люди?!

– Дорогой мой капитан, я имел в виду исключительно их отношение к чужакам. Да и на самом деле чама воюют только с кашибо, потому что ужасно их боятся. Может, еще и повидаемся с индейцами-чама, они селятся по берегам Укаяли до самых окрестностей Кумарии¹⁸.

– Значит, к белым они относятся дружелюбно?

– Нет, они и белых ненавидят за то, что те вынуждают их работать в качестве невольников, просто уже смирились со своей горькой участью. Некоторые даже с удовольствием идут служить своим хозяевам, так называемым опекунам, – ведь у тех столько всяких любопытных вещей.

– Тем лучше для нас! – резюмировал Новицкий. – Вот только жаль, что ни у меня, ни у тебя с собой нет никаких любопытных вещей. Хоть бы оружие достать, так уж как-нибудь пробились бы. Ладно, главное – не падать духом, все как-нибудь утрясется.

– Верно, верно говоришь, Тадек! – согласился Смуга. – Терпеть не могу паникеров! Не будет у нас оружия, ведь все припрятанное мы отдали Томеку.

– Разумеется, Томеку пришлось куда труднее, он должен был защищать Наташу и Салли.

– Не сомневался, что ты так скажешь, – с улыбкой произнес Смуга. – Мы же сами с тобой хотели, чтобы у Томека и Салли все было в порядке.

– Ты, Янек, прямо читаешь мои мысли, – обрадовался Новицкий. – Вот поэтому я и рвусь отсюда – не желаю подвергать наших друзей новым бедам.

– Понимаю, – поддержал его Смуга. – Думаю, справимся. Какое-то время придется обходиться без оружия, но потом нам наверняка удастся набрести на лагерь сборщиков каучука и там что-нибудь раздобыть.

– Надежды на это мало, да и что мы можем дать им взамен?

– Кто знает, вероятно, даже больше, чем ты думаешь, – таинственно произнес Смуга.

– Ну, раз так говоришь, я тебе верю. Знаю, ты слов на ветер не бросаешь.

– Положись на меня и ни о чем не тревожься. Главное, выздоравливай скорее. А я схожу сейчас в селение к кампа. Не сомневаюсь, они еще не наговорились о вчерашних событиях. Надо разузнать, что там у них и как. А ты отдыхай.

– Ладно, посплю. Что-то меня и правда в сон клонит после сытной еды, – ответил Новицкий, поудобнее устраиваясь на топчане.

¹⁷ Индейцы этого племени пережимают верхнюю часть головы грудного младенца, пока она не становится конусовидной. К двум дощечкам они привязывают мешочки с песком, одну дощечку прикладывают ко лбу, другую к затылку, обе дощечки связывают по бокам, отчего череп изменяет форму. Обычай, берущий начало в Южной Америке от инков, практиковался и в Северной Америке у племени салиши («плоскоголовых»); он известен и на других континентах.

¹⁸ Кумария в те времена представляла собой крохотную индейскую деревушку, пока в ее окрестностях в 1880 году не поселился эмигрант из Италии, который и основал селение.

IV Сын Солнца

Миновало несколько дней. Новицкий почти выздоровел, рана на ноге быстро затягивалась. Он собирался одеться и пойти в селение, когда в комнату вошел Смуга и прямо с порога объявил:

– У кампа происходит что-то необычное!

– Плохие новости? – встревожился Новицкий.

– На рассвете прибыли какие-то незнакомые индейцы. Сейчас совещаются с местными кураками¹⁹. Я еще ни разу не видел здесь чужаков.

– Интересно, чего их сюда принесло? – гадал явно озадаченный новостью Новицкий.

– Все так разволновались, – добавил Смуга. – Только бы ничто не помешало нашим планам.

– Нельзя дальше тянуть! Через два-три дня нужно бежать отсюда. Но что-то явно происходит! Погляди, что Агуа принесла сегодня утром.

Новицкий указал на топчан. Там лежали штаны, майка, фланелевая сорочка и кожаная безрукавка. Осмотрев все, Смуга с изумлением заметил:

– Да ведь все новехонькое и пошито словно на тебя!

– Так это и есть моя одежда, – ответил Новицкий.

– Откуда она тут взялась? Ведь среди того, с чем ты сюда явился, одежды не было.

– Чистая правда, – согласился Новицкий. – Твой бывший проводник, на которого мы случайно наткнулись, перед смертью указал нам дорогу в обход Гран-Пахонали, но мы все равно не избежали засады.

– Об остальном я догадываюсь, – вставил Смуга. – В схватке погибло несколько ваших, и часть экипировки пришлось бросить.

– Все верно! Трое погибли, а раненую Натку мы несли на носилках. Поэтому часть грузов мы припрятали в скалах. Мол, на обратном пути заберем. Скорее всего, кампа обнаружили тайник и доставили все сюда.

– Мне об этом ни словечка не сказали, – пробормотал Смуга и тут же спросил: – А кроме одежды, вы оставляли там что-нибудь еще?

– погоди, дай вспомнить! Из больших вещей – палатку с противомоскитной сеткой, ту, в которой спали девушки, ну, еще гамаки, одежду про запас, фильтр для воды, посуду... Да много чего там было!

– А оружие оставили?

– Трех погибших кубео мы похоронили вместе с их винтовками, но кампа могли разрыть могилы и забрать оружие. А вот патроны мы захватили с собой.

– Вместе с тем оружием, с которым вы пришли сюда, получается неплохой арсенал. Хотя при той суматохе, когда вас брали в плен, я все же умудрился спрятать парочку винтовок и револьвер и потом отдал их Томеку, – сообщил Смуга. – Интересно, что кампа сделали с найденным имуществом?

– Судя по принесенной мне Агуа одежде, все у них находится здесь, в селении. Вот бы добраться до наших вещичек! Тогда сразу бы все пошло как по маслу.

– Нам пригодилось бы не только оружие. Во всяком случае, я не заметил, чтобы кто-нибудь из кампа использовал тот тип винтовок, который был у вас. О таком я бы сразу узнал

¹⁹ Курака – вождь, глава племени индейцев в Монтанье.

– все же учу их обращаться с огнестрельным оружием. Их ружья, заряжающиеся с казенной части²⁰, производят во Франции и в Германии, причем специально для индейцев.

– Наверняка у кампа есть не только наши винтовки, а еще и те, что были у погибших кубео. Ян, давай я все разузнаю у Агуа. Ей хоть что-то должно быть известно.

– Вполне вероятно, она ведь любимица Онари, – согласился Смуга. – Он человек неглупый, пользуется у кампа авторитетом. Удели внимание Агуа, только, ради бога, соблюдай осторожность. Сболтнешь чего лишнего – и наши планы рухнут, а заодно с ними полетят и наши головы, что вполне возможно. Сейчас мы играем с огнем, сидя на пороховой бочке.

– Не бойся, Янек, я буду держать язык за зубами. Интересно, о чем там эти кампа совещаются? Как бы там ни было, а прятать голову в песок нам никак нельзя. Сходим лучше к ним, может, чего пронюхаем.

– Давай одевайся! – скомандовал Смуга.

И часа не прошло, как они уже входили в селение. Чувствовалось, что размеренная жизнь кампа в то утро нарушилась.

Оба белых друга прекрасно понимали: жители тропических лесов вели неустанную борьбу с агрессивной экзотической природой, чтобы обеспечить себя пропитанием. В особенности тяжело было женщинам. Они выращивали кукурузу, юкку, сладкий картофель, фасоль, рис, сахарный тростник, табак. Они же собирали фрукты, готовили еду, лепили посуду из глины, готовили масато, шили одежду, изготавливали амулеты и украшения, собирали топливо, заботились о детях. А когда муж отправлялся на войну, жена шла рядом с ним, несла лук, стрелы и мешок с провиантом.

²⁰ Со стороны затвора. – *Примеч. ред.*

Жизнь мужчин, хоть они и проводили немало времени за болтовней и ничегонеделанием, тоже была далека от идиллии. Они занимались охотой, рыбной ловлей, изготавливали лодки, весла, луки, стрелы, орудия труда, расчищали лес под посевы. Они охраняли женщин и детей, отправлялись на вылазки, в которых либо убивали противников, либо гибли сами. Так что порой дела заполняли весь их день почти без остатка, от рассвета до захода солнца.

Но в это утро все выглядело в селении иначе. У хижин группами собирались мужчины. Они стояли, сидели на корточках, на обрубках поваленных деревьев, о чем-то толковали. Женщины тоже не отправились на поля. Вроде бы все они занимались хозяйством, но то и дело, как и мужчины, собирались в группки, что-то обсуждали и бросали любопытные взгляды на дом, где проходило совещание. Даже дети и собаки, казалось, и те притихли.

Появление белых пленников не осталось без внимания кампа. Особый интерес вызвал, конечно же, Новицкий – жители впервые увидели его после схватки с пумой. Ему улыбались, с ним здоровались. Девушки, не скрывая симпатии, смотрели на него, дети указывали на него пальцем.

Смуга с Новицким как раз проходили мимо большой группы воинов, а один из индейцев поднялся с пня и пригласил:

– Добрый день, виракоча! Присаживайтесь с нами!

Этого воина звали Чуаси, в селении он пользовался большим уважением. Смуга хорошо знал этого кампа, ведь считал того своим лучшим учеником, усвоившим все тонкости обращения с огнестрельным оружием. Чуаси был рослым мужчиной атлетического сложения. Под смуглой кожей играли натренированные мышцы. Лицо индейца покрывала красная краска, а в густые волосы были вставлены перья попугая. Чуаси отличался граничившей с безрассудством решительностью и жестокостью в военных походах. Но невзирая на это, в обычной жизни он был добродушным, легким в общении человеком, хоть и не забывал о чувстве собственного достоинства. Чуаси знал себе цену. Дружелюбным жестом он указал пленникам на место рядом с ним:

– Садитесь, садитесь! Буду рад выслушать историю о схватке с пумой, все об этом только и говорят. И вчера вечером у костров тоже.

Новицкий занял место между Чуаси и Смугой:

– Да о чем тут рассказывать! Выхода не было, вот мне и пришлось ее убить. Она собиралась напасть на Агуа и ее маленького сына. Только и всего.

– Убить? – переспросил Чуаси. – Говорили, ты ее вроде удушил.

– А как еще? Ведь вы забрали у меня оружие! – посмеиваясь, ответил Новицкий.

Индейцы от души расхохотались над таким простодушным ответом белого пленника. Чуаси сначала смутился, а потом рассмеялся вместе с остальными.

Смуга набивал табаком трубку, краем глаза наблюдая за грозными воинами: сейчас те больше напоминали шалунов-мальчишек, болтающих всякую чушь.

– Онари рассказал, что пума разодрала тебе ногу. А ты говоришь – удушил ее, только и всего, – произнес кто-то из индейцев.

– Все так и было – царапнула меня за ногу, – подтвердил Новицкий.

– Это почетная царапина, можешь ею гордиться, – сказал тот же индеец.

– Вот если бы ты ходил раздетым, как мы, все могли бы восхищаться твоим бесстрашием, – вставил кто-то еще.

– Так хочется своими глазами увидеть мою рану? – удивился Новицкий.

Тут все закивали, и тогда он быстро стащил с себя штаны и развязал повязку.

Кампа по очереди подходили к нему, с самым серьезным видом разглядывали длинную, глубокую, уже начинавшую затягиваться рану, громко обмениваясь мнениями. Чуаси, тоже осмотрев рану, дружески похлопал Новицкого по плечу:

– Пусть ты и белый, кумпа, но все равно человек деловой, добрый, и храбрости тебе не занимать. И не смотришь на индейцев свысока, как другие виракочи.

Новицкий в ответ тоже похлопал Чуаси по плечу:

– Никогда не имел привычки задирать нос, и среди индейцев у меня много друзей. Я даже однажды чуть не женился на дочери вождя.

– Ну, не жалею, что не женился на ней. И у нас девушку можешь взять в жены, да и не одну, а сколько пожелаешь!

Новицкий был явно смущен. Он-то считал так: жена для моряка – что якорь для корабля. Но тут, на его счастье, все вдруг отвлеклось.

Смуга, воспользовавшись всеобщей суматохой, едва слышно шепнул своему другу польски:

– Внимание! Совещание закончилось.

И правда, из большой хижины выходили прибывшие и местные вожди. Вожди других племен отличались от полуголых местных курак тем, что были одеты в коричневые либо синие кушмы до пят. Их головы украшали уборы из пальмовых волокон с вставленными в них яркими перьями птиц. Все незнакомцы были коротко подстрижены. Из соседней хижины выбежала толпа женщин, тоже в кушмах. Судя по всему, это были жены гостей, каждая из них несла лук, пучок стрел и мешок с едой.

Возглавлял шествие полунагой Онари, а рядом с ним шел невысокий щуплый человек, одетый в длинную полотняную кушму и потрепанную шапку с козырьком.

Завидев приближавшихся старейшин, кампа, обступившие Смугу с Новицким, тут же стали полукругом. Теперь индеец в столь нетипичном для южноамериканских джунглей головном уборе шел впереди шамана. Все с почтением и едва ли не со страхом уступали ему дорогу. Этот чужак неприметной внешности уверенно ступал между двумя рядами кампа, явно направляясь к белым пленникам.

– Кто это такой? – вполголоса поинтересовался Смуга у стоявшего рядом Чуаси.

– Это... Это Тасулинчи²¹, самый главный вождь свободных кампа в Гран-Пахонали, – неохотно пояснил Чуаси.

Тасулинчи тем временем приблизился к пленникам. Остановившись перед ними, без всякого стеснения впери в них холодный, пронизательный взгляд. Кампа почтительно расступились перед ним, даже неустрашимый Чуаси и тот сделал пару шагов назад.

– Здравствуйте, – по-испански произнес Тасулинчи. – Я много слышал о вас и вот решил с вами познакомиться.

Он по очереди подал руку Смуге и Новицкому, потом, согласно обычаю южноамериканских индейцев, похлопал мужчин по плечу.

²¹ Знаменитый Тасулинчи происходил из племени кампа. Какое-то время был невольником у белого хозяина, жившего у реки Унини. Именно тогда Тасулинчи и освоил испанский язык, на котором бегло изъяснялся. Позже он сбежал в Гран-Пахональ к свободным кампа и завоевал у них непререкаемый авторитет. Благодаря врожденному дару дипломата, упорству и пронизательности Тасулинчи сумел примирить враждовавшие племена из Гран-Пахонали и берегов Укаяли, склонив их в 1915 году к вооруженному восстанию против ненавистных белых в перуанской Монтанье (автор повести переносит начало этого восстания на несколько лет назад). Под предводительством Тасулинчи победоносная для индейцев кровопролитная война добралась до среднего течения Укаяли. Резня вызвала панику среди белых поселенцев. На длительное время берега Укаяли обезлюдели. Белые решились возвратиться туда лишь несколько лет спустя. В 1928 году известный польский этнограф, путешественник и писатель Мечислав Лепецкий по поручению польского правительства исследовал возможности создания поселений поляков на Укаяли. Во время этой экспедиции он встречался и беседовал со знаменитым Тасулинчи у реки Тамбо.

– Говоришь, слышал о нас, а вот мы о тебе что-то не слышали, да и не видели ни разу. Поэтому не знаем, кто ты такой, – не смущаясь, сказал Смуга.

– *Yo soy hijo del sol!*²² – уклончиво отвечивал Тасулинчи и горделиво добавил: – Это ничего, что не слышали, придет время, и услышите!

Прибывшие кампа, и мужчины, и женщины, не скрывая недоверия, сначала внимательно рассматривали белых. Потом опасливо приблизились к ним и стали ощупывать лица руками, желая убедиться, что таков цвет их кожи, а не светлая краска. Ощупывали одежду Новицкого, его ботинки, поглаживали по волосам, возбужденно обсуждая увиденное.

Сдержанный Смуга стоически сносил эти жесты любопытства, явно выходявшие за рамки приличия, но вспыльчивый Новицкий нахмурился и пробормотал на родном языке:

– Что эти дурни себе позволяют? Двинуть бы им сейчас в ухо!

– Спокойно, Тадек! – предостерег его Смуга. – Просто они впервые видят белых людей.

Кампа наконец удовлетворили свое любопытство и отошли от пленников. И тут Тасулинчи обратился к Смуге:

– Так это ты научил моих воинов пользоваться оружием белых людей? Благодарю тебя за это!

²² *Yo soy hijo del sol!* – Я – сын Солнца! (исп.)

И тут же, отвернувшись от Смуги, заговорил с Новицким:

– Я слышал, что ты уважаешь индейцев и спас жену и сына Онари. Благодарю и тебя. Мне показали шкуру удушенной тобой крупной пумы. Это была тяжелая схватка. Я видел, какое для тебя делают ожерелье из клыков и когтей этой пумы. Большая честь получить такую награду! Это говорит о твоей силе. А ты мог бы убить человека ударом кулака?

– Если хочешь знать, я один раз ударом кулака забил быка, который чуть не затоптал копытами человека, – гордо сообщил Новицкий.

– Об этом я не слыхал, – удивился Тасулинчи и продолжал расспросы: – Индейцы-пираха с реки Тамбо говорили, что ты очень богат. Ты им рассказывал, что у себя дома, там, за океаном, у тебя одиннадцать жен. Это правда?

– Чистая правда! – беззаботно подтвердил Новицкий. – Выходит, ты бываешь в Уайре у этого головореза и охотника за рабами, у Панчо Варгаса, – это ведь его индейцы спрашивали у меня о моих женах.

– Иногда бываю, когда приезжаю на встречи с нашими союзниками пираха.

– Как же, как же, хорошие из вас союзники, – не скрывая сарказма, заметил Новицкий. – Если уж вы такие с ними друзья-приятели, с чего бы нанятые нами носильщики из племени пираха так не хотели идти с нами на земли кампа?

– Хочешь знать, почему пираха не хотели идти с вами на земли кампа? – нарочито медленно переспросил Тасулинчи. – Ладно, отвечу тебе. Редко, очень редко кто-то сюда добирается, а уж выбраться отсюда... живым... Ты меня понял? Вы ведь в главной ставке свободных кампа.

Постепенно добродушие на физиономии Тасулинчи сменилось выражением беспощадности и холодной жестокости.

Новицкий, зловеще улыбаясь, уже стал надвигаться на индейца, но осторожный Смуга стиснул ему плечо и быстро заговорил:

– Ты, курака, говоришь очень интересные вещи, но предостережения лучше запоминаются, когда знаешь, кто их делает. А ты до сих пор не назвал своего имени.

Индеец, прищурившись, смерил взглядом белых пленников, но тут же его лицо снова разгладилось. С усмешкой он ответил:

– Мое имя – Тасулинчи. И запомните его как следует. Советую вам присмотреться к здешним женщинам. С верной женой мужчина забывает обо всех своих тревогах. А сейчас мне пора. *Adios, amigos!*²³

Он протянул пленникам руку, похлопал их по плечу, повернулся и ушел, а за ним последовала и его свита.

Большинство кампа потянулись за своими кураками, а белые пленники, на которых уже никто не обращал внимания, спокойно вышли из селения и молча направились к руинам города. Как только они пришли к развалинам, Смуга сел на большой камень и жестом пригласил Новицкого присесть рядом. Помолчав, Смуга заговорил:

– Ну и что ты по этому поводу думаешь, капитан?

– Думаю, этот краснокожий заморыш явился сюда подлить масла в огонь, – ответил Новицкий.

– Похоже, ты не ошибаешься. И знаешь, интересная мысль пришла мне в голову.

– Какая?

– Наберись терпения и выслушай, – заговорил Смуга. – Кампа готовят восстание против белых. Ты ведь понимаешь, с какой целью они взяли меня в плен. Из боязни, что вы бросите меня искать. Если бы вам удалось напасть на мой след, вас ждала бы смерть. Я хотел этому помешать, вот потому однажды прикинулся, будто впадаю в гипнотический транс, во время

²³ *Adios, amigos!* – Прощайте, друзья! (исп.)

которого предсказал ваше появление. Говорил, что, мол, вижу своих друзей, они идут по моему следу. В деталях описал им Томека, и тебя, и Динго, ведь не сомневался: если вы начнете поиски, то без вашего с Томеком и Динго участия это предприятие уж никак не обойдется. И когда вы появились в Гран-Пахонали, кампа были ошарашены. Они свято уверовали, что мне подвластны сверхъестественные силы. И только благодаря этому я вынудил их доставить вас сюда живыми. Все произошедшее потом я объяснил воздействием высших сил. Я уже тебе говорил, что кто-то заметил беглецов и доложил об этом кампа.

– В таком случае им известно, что и наши девчата в целости и сохранности, – добавил Новицкий. – Почему они нам за это не отомстили?

– Хочешь знать, почему мы до сих пор живы? Они страшно суеверные люди, верят в магию, в безграничное могущество колдунов. И меня тоже принимают за колдуна. Попросту боятся меня. Я предсказал ваш приход, сам сбросил обеих жертв в пропасть, но те, несмотря ни на что, выжили и каким-то таинственным образом исчезли вместе с остальными нашими товарищами.

– Ах, чтобы кит их слопал! Мне это не пришло в голову, – изумленно проговорил Новицкий. – И поэтому они тебя так стерегут, не то что меня. Ну, говори дальше, Янек!

– Несмотря на все угрозы Тасулинчи, кампа должны понимать: если уж Томек, разыскивая меня, сумел добраться до их тайной ставки, то ничто ему помешает вновь явиться сюда уже не одному, а с подмогой и освободить нас. Это затруднило бы осуществление их планов, а может, и вообще не позволило бы поднять восстание в Монтанье. Именно поэтому их главный вождь и явился на совет со здешними кураками.

– Черт возьми, а может, все именно так и есть! Как бы нам разузнать, что они там решили? – озабоченно произнес Новицкий.

– А разве трудно догадаться? – улыбнулся Смуга. – Прикинь, как бы ты сам поступил на их месте?

– Я? погоди, дай подумаю... Бог ты мой – да я поднял бы бунт, и наплевать на все последствия.

– Вот и мне пришло в голову то же самое.

– Если мы не ошибаемся, наша жизнь гроша ломаного не стоит. Скрутят нам шеи, как цыплятам, – заключил Новицкий. – Но для чего в таком случае этот подлый карлик советовал нам подыскать себе жен?

– Дымовая завеса, капитан.

– Значит, хотел втереть нам очки!

– Не надо на него обижаться, – сказал Смуга. – Восстание для кампа – игра по-крупному, ведь речь идет о свободе.

V

Ночь злых духов

В тот же день ближе к вечеру Смуга и Новицкий отправились на тайную встречу с Агуа. Последние события ясно говорили о том, что критическая, решающая для их судеб минута неуклонно приближается.

Вскоре после встречи с Тасулинчи, вызвавшей столько вопросов, женщины-кампа, как обычно, принесли пленникам еду. Агуа первой вошла к ним и тут же незаметно приложила палец к губам. Это могло означать многое, ибо после того, как Новицкий спас ей жизнь, женщина была не прочь перекинуться с ним парой слов. Женщины-кампа, расставив блюда на лавке, быстро вышли. Но минуту спустя Агуа, возвратившись за якобы забытой корзинкой, шепнула:

– Как только начнет темнеть, буду в развалинах, – и тут же выбежала.

Столь необычное поведение Агуа встревожило друзей, поэтому незадолго до полудня Смуга отправился в селение на разведку. Мрачные опасения подтвердились: кампа, до той поры настроенные довольно дружелюбно, умолкали, едва завидев Смугу, или просто делали вид, будто не замечают его. Не оставалось сомнений: на совещании курак с Тасулинчи были приняты важные решения, которые и вызвали внезапную перемену отношения жителей селения к пленникам. Что это означало? Если кампа решили ускорить начало восстания в Монтанье, значит пленникам грозит опасность. Смуга слишком хорошо знал индейцев, чтобы ее недооценивать. Их спокойствие и благородство проявлялись до тех пор, пока они не встали на тропу войны. А во время войны вспыхивали дремавшие в индейцах неистовые страсти, они становились беспощадными, жестокими, безжалостными.

Смуга, не желая мозолить глаза избегающим его индейцам-кампа, вернулся к Новицкому. Остаток дня оба провели у себя в комнате. Она находилась в сооружении, частично выдолбленном в скале. На первом этаже был всем известный выход на крутую тропу, которая вела в селение. В дневное время пленников не охраняли. Побег без оружия и необходимого снаряжения означал верную гибель в безлюдной горной чащобе джунглей. Лишь по ночам рядом с выходом сидели два-три стражника, но свободы передвижения пленников они не ограничивали, просто наблюдали за ними.

В этом выдолбленном в скале сооружении имелся еще тайный подземный ход к святилищу, расположенному в развалинах города инков, о котором знали лишь старейшины племени кампа, да и то не все. Но Смуга, издавна всегда и везде интересовавшийся древними строениями, не только обнаружил этот секретный коридор, но и сумел проникнуть в тайны, неизвестные даже самим кампа. Так что они с Новицким могли бы беспрепятственно пробраться по подземному ходу в святилище, хотя выйти из него можно было лишь по одной широкой и заметной отовсюду лестнице, спускавшейся на нижнюю террасу в центре развалин старого города.

Смуга решил воспользоваться известным всем кампа выходом. Вместе с Новицким он под прикрытием зарослей подобрался к окружающей нижнюю террасу стене. Каменная стена кое-где сровнялась с землей, и в один из таких проемов друзья и проскользнули. Так они обошли главные ворота, состоявшие из двух гладко обтесанных высоких столбов с установленной поверх них массивной каменной перекладиной, в центре которой был высечен символ Солнца. Отсюда, прямо от лестницы, на верхнюю террасу вела широкая мощеная улица.

В вымершем городе царили пустота и ужас запустения. Стены домов на узких боковых улочках частично обрушились или покосились. Большинство домов, некогда построенных из гладко обтесанных и тщательно подогнанных друг к другу каменных блоков, превратились в

груды развалин. Некоторые дома вросли в землю, у некоторых покосились стены. За исключением нескольких строений, покрытых каменными плитами, остальные стояли без крыш, разрушившихся много лет назад.

Лишь на самой верхней террасе почти в первозданном виде сохранилось громадное святилище. Позади него и находилась постройка, в которой кампа держали пленников. Заброшенные, уничтоженные стихийными бедствиями улицы и дома сплошь поросли травой и диким кустарником, а кое-где даже возвышались деревья. В воздухе стоял кислотоватый смрад скопившихся экскрементов летучих мышей.

Смуга с Новицким осторожно пробирались через каменные завалы, где обитали лишь змеи, крысы, хищные птицы да летучие мыши. Но Агуа нигде не было видно, а заходившее солнце уже начинало рассеивать по небу пурпурные блики.

– Может, ей не удалось незаметно ускользнуть от Онари, – вполголоса предположил Новицкий, обводя взором развалины. – Если она сейчас не придет, то в темноте и подавно не отважится тащиться на эти мертвые руины.

– Жуть берет от этого вонючего кладбища, – отозвался Смуга.

– Томек говорил, все это произошло из-за землетрясения, и...

Тут Новицкий осекся – где-то совсем рядом зашуршали кусты. Секунду или две спустя перед пленниками предстала запыхавшаяся Агуа.

– Хорошо, что вы здесь, – едва слышно вымолвила индианка, пугливо озираясь. – Вожди начинают большую войну с белыми. Вам надо бежать!

Смуга, пристально посмотрев на Агуа, спросил:

– Для чего ты нам это говоришь? Разве можно доверять тому, кто предает своих?

– Я знала, что ты так подумаешь, но это не предательство! – горячо возразила женщина. – Взгляни на это багровое небо! Не пройдет и четырех дней, и Укаяли тоже покраснеет – от крови белых людей. Если вы сбежите сию минуту, вы все равно не успеете предупредить других белых. Так что я даже своих не предаю – вы все равно нам не мешаете.

– Но ты все-таки нас предупреждаешь! С какой стати? Мы ведь тоже белые.

– Если бы все виракочи были такие, как вы, мы бы с вами не воевали, – ответила Агуа, повернувшись к Новицкому. – Потому и предупреждаю, что не хочу твоей смерти, кумпа.

Молчавший до этого Новицкий, наклонившись к индианке, дотронулся до ее плеча:

– Ты добрая и честная женщина. Значит, вожди надумали нас прикончить?

– Сначала предложат, чтобы вы сражались за нас против белых, – пояснила Агуа.

– А если откажемся? Тогда они нас отправят на тот свет, верно? – уточнил Новицкий.

Агуа кивнула в ответ.

– Ты говоришь, что хочешь нас спасти, – заговорил Смуга. – Но как нам спастись, если мы безоружны?

– Виракоча, я знаю место, где спрятано ваше оружие. Для этого я сюда и пришла.

– И мою одежду ты оттуда принесла, – предположил Новицкий.

– Нет, кумпа, нет! Одежду взял Онари. Никто, кроме него, не решился бы пойти туда, где обитают злые духи.

– Я ваших злых духов не боюсь, – отрезал Смуга. – Если ты и правда хочешь нам помочь, говори, где спрятано оружие.

– Слышала, что ты, виракоча, великий чародей, – прошептала в ответ Агуа, благоговейно поглядывая на Смугу. – Злые духи тебя не испугают!

– Скажи наконец, где спрятано оружие, – поторопил ее Смуга.

Агуа вновь стала беспокойно озираться, потом дрожащим голосом шепнула:

– Там, выше. В том большом доме, в котором наши предки молились Солнцу. Отыщи на стене красноглазую змею. Нажми ей на лоб, и перед тобой откроется путь к злым духам.

– А как ты об этом разузнала? – допытывался Смуга.

- Я подсмотрела, как это делал Онари, когда брал одежду для кумпы.
- Значит, ты все же была в этом тайнике и злые духи ничего плохого тебе не сделали, – заключил Смуга. – Не так уж там и страшно, как ты говоришь.
- Ошибаешься, виракоча, – перепугалась Агуа. – Только Онари осмеливается к ним войти. Я ждала у стены с этой змеей, и стена сама собой задвинулась. Будь очень осторожен!
- А ты точно знаешь, что оружие еще там?
- Точно, виракоча.
- И не боишься, что Онари догадается, кто показал нам дорогу в этот схрон? – недоверчиво спросил Новицкий. – Тебе ведь известно, какая кара ждет предателей. Мы не хотим, чтобы ты погибла!
- Ты не думай обо мне, кумпа! Ничего мне не сделается... Даже если Онари и догадается. А другие подумают, будто это еще одно колдовство белого чародея.
- Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь, – заявил Смуга, сурово глядя на индианку. – Может, это Онари велел тебе сказать нам о войне и показать, где спрятано оружие?
- Агуа смотрела Смуге прямо в глаза, честно и открыто. Мгновение помолчав, она сказала:
- Ты недоверчив, виракоча. Но мне нужно возвращаться. Онари с воинами скоро вернется с реки, там они готовили лодку для Тасулинчи. Старшие жены дома. Предупреждаю вас – бегите!
- Простодушный Новицкий был тронут до глубины души. Он склонился к индианке, взял ее голову в ладони и нежно поцеловал женщину в лоб с изображением черного змея – оберегом от змеи.
- Хорошая ты женщина, Агуа. Прощай!
- Я тебя люблю, кумпа. Если бы могла, пошла бы с тобой. Беги к реке, кумпа, слышишь? – с нажимом шепнула ему Агуа и тут же исчезла в гуще кустарника.
- Подождав, пока не смолкнет шелест ветвей, Смуга сказал:
- Везет тебе на женщин! И как это ты до сих пор в холостяках ходишь?
- Мне сейчас не до амурных дел, – пробурчал Новицкий. – Но эта дикарка не оставила меня равнодушным. Послушай, а нет ли во всем этом коварного замысла Онари?
- Сдается мне, ему все известно, – отозвался Смуга. – Индианки – хорошие, преданные жены. Не верю я, что Агуа может сыграть с мужем такую шутку.
- Думаешь, это ловушка?
- Трудно сказать наверняка. Но раз уж мы решили бежать, придется рискнуть. Бывает, что стоит поставить все на одну карту, если тебе подсовывают козырного туза!
- Святая правда, Янек, хоть дядька мой всегда говорил: «Не играй в карты – без портков останешься».
- Солнце уже село, когда они возвратились к себе в комнату. Не зажигая огня, Смуга подвел друга к дыре в стене. Было темно, хоть глаз выколи. Только вдали, в глубине долины, едва заметно поблескивали костры селения.
- Новицкий вглядывался в черное, беззвездное небо, прислушивался, нюхал воздух, как гончая, а потом едва слышно произнес:
- Надвигается гроза, причем сильная.
- Точно?
- Плохой я был бы моряк, если б не чувствовал приближение бури! – обиженно ответил Новицкий. – Закат багровый, небо во мгле, духота, влажность, жара... И вокруг ни звука! Явно загишь перед бурей. Погоди, сейчас так задует!
- И будто в подтверждение его слов ярко-зеленая молния прорезала на востоке черное, как тушь, небо.
- Убедился? – радостно произнес Новицкий. – Везет нам с тобой. Дождь не оставит следов. Нечего тут долго думать!

– Верно, этой ночью и бежим, – не стал спорить Смуга.

– Только бы наше оружие оказалось в схроне.

– Ерунда – с оружием или без него все равно бежим, – решительно подытожил Смуга. – Мне удалось отложить немного вяленой рыбы, кукурузной муки и соль. Еще у нас есть пукуна, колчан с отравленными стрелами и выдолбленная тыква с лоскутами хлопка. Очень пригодится для бесшумной охоты. Не забыл я и о кусках дерева, которыми местные добывают огонь. Не бойся, с голоду не помрем. Схожу и принесу все перед побегом. А теперь надо дожидаться, пока индейцы не вернуться с реки.

Время тянулось медленно. На востоке, а потом и на северо-востоке все чаще полыхали молнии. Их мертвенный свет выхватывал из темноты неровную цепь гор. Вдруг костры разгорелись сильнее, и до друзей донеслись голоса.

– Воины с Онари вернулись, – негромко отметил Смуга.

– Все-таки успели до грозы, – в тон ему ответил Новицкий. – Самое время!

– Подождем, пока они не лягут спать, – предложил Смуга. – А уж когда гроза разыграется по-настоящему, им будет не до нас.

Снова повисло молчание. И вот буря добралась до долины. Вершины деревьев раскачивались из стороны в сторону, ветер гнал опавшие листья и песок. В нависших тучах сверкнул зигзаг молнии. Вой ветра заглушил гром, эхом отдавшийся в горах. Донесся шум приближавшегося урагана. Костры в селении постепенно гасли один за другим.

– Вот теперь можно, – сказал Смуга. – Я схожу за нашим скарбом, это рядом. Как вернусь, сразу проберемся к святилищу. А пока съешь что-нибудь и жди меня. И будь готов сразу же сняться с места, бежать будем прямо из святилища.

– А может, все же пойдем вместе? – обеспокоенно спросил Новицкий. – Вдвоем все-таки. Если что случится, я приду тебе на выручку.

– Ничего не случится. Тайник рядом, кампа о нем не знают. Ты только держи ухо востро.

Смуга, откинув циновку, вышел. На ощупь добравшись до лестницы, спустился на один пролет. Достал из кармана оставленный Томеком коробок со спичками, который берег на черный день. Желтоватое трепещущее пламя выхватило из тьмы кусок скалы, на которой проступили резные изображения звериных голов. Смуга левой рукой притронулся к голове ягуара, задул спичку, сунул ее в карман, чтобы не оставить следов. Обеими руками он повернул голову ягуара, после чего нажал на стену. Часть ее подалась в сторону, образовав щель. Смуга протиснулся в нее, тут же задвинул назад каменную створку, опустил запор. При свете второй спички вынул из углубления в стене светильник и зажег его. Затем спустился по крутой, сходящей вниз каменной лестнице в грот. На стенах грота проступали барельефы с символами Солнца.

Смуга подошел к правой стене, поставил светильник на пол. Сдвинул один из барельефов, толкнул каменный блок и оказался на пороге небольшой пещеры. Снаружи слышались завывания бушевавшего ветра – выход из этой пещеры располагался как раз под нависавшим над ней выступом скалы, а внизу разверзлась бездонная пропасть.

Поблизости от выхода на деревянных балках висела большая, густо сплетенная из лиан сеть в овальной бамбуковой раме. Шаманы инков выдвигали ее, когда хотели спасти красивых девушек, которых обрекали в жертву Солнцу, сбрасывая их в пропасть. Пещера находилась под тем самым выступом скалы, на котором совершался бесчеловечный обряд.

При виде сети в памяти Смуги вновь пробудились трагические события, когда жена Томека и Наташа летели в пропасть. Добрая улыбка пробежала по его губам.

И тут бесшумно затрепетала неясная тень, а в следующую секунду что-то мохнатое коснулось головы Смуги. Светильник угас. Мужчина вздрогнул при мысли о расположенном поблизости древнем кладбище инков, но тут же взял себя в руки, услышав попискивание летучих мышей, и снова зажег светильник. Пукуна и мешок с вещами лежали в углу пещеры. Смуга отнес их в грот и пошел обратно в пещеру, чтобы взять светильник. Когда он вернулся в грот с горящим светильником в руке, им овладело какое-то непонятное чувство. Смуге показалось, что часть стены дрогнула, будто кто-то, скрывавшийся за ней, потянул ее на себя. Именно за этой стеной и проходил подземный коридор, ведущий к руинам города. Тайный ход, разведанный Смугой, позволил ему освободить Томека и его друзей.

«Показалось, – мелькнула мысль. – Никому этот ход не известен».

Подняв светильник над головой, он пригляделся к стене. Барельеф находился в нужном положении. В неверном свете тень Смуги причудливыми очертаниями падала на ровные стены грота.

– Померещилось, вот и все, – прошептал он.

Смуга изо всех сил не позволял страху завладеть им, тому самому страху, который охватывает человека в мрачных подземельях. Он подошел к расположенной слева стене. За ней

находились могилы инков и скрывались сокровища, даже ничтожная часть которых любого сделала бы набобом²⁴.

Но Смуга о богатстве и не помышлял. Ему хватало и того, что он зарабатывал, занимаясь ловлей диких зверей. Это дело давало возможность организовывать экспедиции, познавать мир. Остальное его не интересовало. А в этот момент он вообще не думал о себе. Все его мысли были о друзьях. Он стал невольной причиной того, что они попали в беду и им грозит смертельная опасность. Смуга отдавал себе отчет в том, что побег без необходимого снаряжения вполне может завершиться трагедией. Пусть даже они и повстречают собирателей каучука, от них все равно без денег ничего не получишь. А здесь без всякой пользы лежат такие богатства...

Лишь Томеку он доверил тайну инков. Тогда замечательный мальчишка сказал, что на это золото наложено заклятие предательски погубленных инков. И Смуга с Томеком поклялись молчать о находке овечьих легендами сокровищ, чтобы не навлечь на потомков инков новые беды. А не пришло ли время сейчас ради спасения друзей взять отсюда хотя бы часть богатств?

Борясь с навязчивыми мыслями, Смуга чисто машинально сдвинул барельеф и вошел в подземный некрополь, оставив вход открытым. Вдоль стены тянулся ряд огромных базальтовых саркофагов. Позади них в открытых нишах сидели мумии, завернутые в шкуры тонкорунных лам. Рядом с ними была разложена домашняя утварь. Смуга скользнул взглядом по захоронениям и направился в соседний зал, где, собственно, и хранились сокровища.

Отлитые из золота и серебра изваяния богов и древних всемогущих властителей, трон из чистого золота – все это в пламени светильника переливалось красновато-коричневым цветом, будто кровь. Груды великолепных изумрудов в жертвенниках искрились неземным призрачным огнем. Огромные подносы были заполнены золотыми кольцами, браслетами, серьгами, ожерельями, слитками золота. В этом хранилище он увидел изумительной красоты оружие, драгоценные одеяния и мастерски изваянные фигуры людей и животных...

Смуга в глубоком раздумье взирал на несметные богатства. Океаны крови были пролиты испанскими конкистадорами ради владения ими. Все это богатство не принесло и не могло принести счастья их обладателям, ибо слишком высока оказалась цена, заплаченная за него несчастными инками. И сокровища были надежно укрыты от обезумевших от алчности и жестокости белых пришельцев. Пусть же они, эти сокровища, так и останутся прекрасной легендой. Не будет он ничего брать отсюда, пусть даже ради спасения дорогих ему друзей.

Лицо Смуги просветлело. Еще раз окинув взором драгоценности, он повернулся к выходу. Но, сделав лишь пару шагов, замер на месте. Перед ним блеснул огонь.

На пороге сокровищницы стоял полуобнаженный Онари. На его голове не было венца из перьев. Светильник он держал в левой руке, а револьвер – в правой. Оружие смотрело прямо Смуге в грудь. На поясе Онари Смуга различил ремень с внушительным кольцом в кобуре.

«Вот и все...» – промелькнуло в голове у Смуги. Ему нечем было защищаться. Даже потуши он свой светильник, Онари не промахнется, стреляя в упор. Смуга понял, какую страшную ошибку допустил, не обратив внимания на дрогнувшую стену подземного хода. Ничего ему не привиделось.

А Онари молчал. На бронзово-коричневом, будто высеченном из камня лице не было и следа эмоций. Одни только блестящие злобой черные глаза неотрывно уставились на противника.

– Вижу, я недооценил тебя, Онари, – проговорил наконец Смуга. – Ну? Чего ждешь? Делай то, зачем пришел, – стреляй! Ты победил!

– Я чувствовал, что перед побегом ты зайдешь сюда, – ответил Онари. – Ты ведь уже собираешься выйти. Почему же ты ничего не прихватишь с собой?

²⁴ *Набоб* – глава провинции или княжества в империи Великих Моголов (Индия). Набобы обладали несметными богатствами.

Сделав глубокий вдох, после недолгой паузы Смуга ответил:

– Понимай меня как хочешь, но я не смог. Инки жизнью заплатили за эти сокровища. И мне чудится на них кровь...

Обдумав слова Смуги, Онари спросил:

– Как я понимаю, ты показал сокровища своим друзьям? Тем, что сбежали через подземный ход?

– Здесь со мной был только один светловолосый молодой друг. Вы приговорили к смерти его жену, не помнишь? Так вот, он мне сказал, что на этом золоте заклятие подло убитых индейцев. И тогда мы с ним решили не прикасаться к сокровищам и не выдавать тайну инков. Мой друг умеет молчать, он никогда не нарушит данного им обещания. Неужели ты не понимаешь, что делалось бы в Монтанье, узнай белые об этих несметных богатствах?

– Я понимаю, виракоча.

– А ты, Онари, перед тем как нажать на спусковой крючок, скажи мне, как ты нашел это подземелье?

– Благодаря твоим же друзьям, – насмешливо сказал индеец. – Я заметил их следы у выхода из подземного коридора. По ним я и пришел сюда. Снаружи видно, как открывается скала. Я ее открыл! И знаю, как ты смог спасти белых женщин.

– Ладно, Онари, хватит. Мы все сказали друг другу. Давай заканчивать нашу... встречу. Опусть ствол чуть пониже и стреляй!

Шаман сделал пару шагов вперед.

– Ты сам решил свою судьбу. Я не плачу пулей за благородство, – глухо произнес он.

Спрятав револьвер в кобуру, снял ремень и протянул его Смуге. Тот с явным недоверием глядел на шамана, затем обмотал ремень вокруг пояса.

Онари вошел в сокровищницу, присел на корточки перед горшками с золотом. Смуга только сейчас увидел лежавшие в углу белые мешочки. Значит, шаман регулярно бывал здесь – иначе эти мешочки давно бы обратились в прах. Смуга стал понимать, в чем дело. Кампа готовилась к вооруженному восстанию, им было необходимо оружие, а купить его можно только за золото. Вот они и расплачивались золотом инков, тем самым золотом, которое по иронии судьбы обнаружили белые люди.

Шаман, казалось, перестал обращать внимание на Смугу. Он поднял с пола два мешочка. Тот, что побольше, наполнил золотом, а в меньший сунул горсть изумрудов. Потом неторопливо перевязал оба тонкими ремешками. Подошел к Смуге.

– Эти сокровища, виракоча, принадлежали могущественным инкам, – объявил он. – Кампа – их потомки, и они теперь принадлежат нам. Ты, виракоча, хоть бедняк, но не жадный, как другие. К тому же тебе можно доверить тайну, ты ее не выдашь. Жаль, что ты не из наших! Вручаю тебе малую часть этих сокровищ как истинному другу индейцев. Может, населяющие это место духи умерших властителей нашей земли позволят тебе и кумпе уцелеть. Поступайте так, как сказала вам Агуа. Немедленно бегите! Помните, что, если вас настигнут, погибнете оба.

Онари вложил в руки еще не пришедшего в себя Смуги туго набитые мешочки и слегка подтолкнул его к выходу. Смуга, сунув драгоценности в свой мешок со скудными припасами, взял пукуну и вышел из подземелья.

VI Побег

Новицкий в полной готовности с нетерпением дождался Смугу, иногда поглядывая на едва тлевший огонек светильника и прислушиваясь к отдаленному гроыханию грозы. Сполохи молний обращали ночь в день, гром заглушал свист ветра в горах.

С каждой минутой беспокойство Новицкого росло. Почему Смуга так долго не возвращается? Неужели они чего-то не учли в решающую минуту? Но вот циновка, закрывающая вход в коридор, откинулась, и в проеме возник его друг.

Новицкий, облегченно вздохнув, вскочил с топчана. Но, приглядевшись к Смуге, сразу сообразил, что случилось нечто чрезвычайное. На лице всегда уравновешенного и невозмутимого путешественника было написано радостное возбуждение.

– Что произошло, Ян? – взволнованно спросил Новицкий.

– Не сейчас, потом. Обо всем потом, – коротко бросил Смуга, положив на пол мешок и пукуну. И тут же сбросил с себя кушму.

Новицкий тихо присвистнул, заметив ремень с кобурой.

– Значит, все-таки побывал в святилище?

– Нет, но сейчас мы с тобой туда пойдём. Бери револьверы и скатай одеяла.

Больше Новицкий не задавал вопросов. Быстро опоясавшись ремнем с кольцами, он проверил, заряжены ли они, потом проворно свернул кожаные одеяла и туго перетянул их ремнем. Смуга тем временем извлек из сундука рубаху, брюки и ботинки, в которых его взяли в плен, переделся, после чего перебросил через плечо обе кушмы – свою и Новицкого – и оба одеяла. Взял в одну руку светильник, в другую мешок и пукуну.

– Пойдем! А если на кого-нибудь нарвемся?

Новицкий коротко его заверил, что нож легко выхватить из ножен.

Они бесшумно покинули свое обиталище. Первым шел Смуга. Вскоре по тайному переходу он вывел Новицкого в узкий коридор с низкими сводами. По крутым ступенькам они то спускались, то поднимались, пока им не преградила путь стена.

– Подними запор и толкни стену, – приказал Смуга.

Сделав как велено, Новицкий осторожно отворил потайную дверь. До них донесся свист ветра, шум дождя. Мужчины вошли в огромный зал с глубокими нишами по обеим сторонам. Медленно обошли его, освещая светильником стены с остатками росписей.

– Смотри, Янек, там змеи! – прошептал Новицкий.

Неподалеку на поверхности каменной стены они увидели большой барельеф, покрытый почти стершимися красками. На нем был изображен клубок сплетенных змей, плывущих на плоту по озеру. Этот плот опирался на могучего змея с поднятой головой. В глазах змея кровавым блеском отсвечивали драгоценные камни. На спинах змей был написан красками седобородый стройный старик в богатой одежде. У змей, свернувшихся в клубок, и у тех, что плыли рядом с плотом, сияли в глазах разноцветные драгоценные камни, но только у самого большого змея эти камни были красного цвета.

– Вроде бы тут, – прошептал Смуга. – Давай-ка, Тадек, нажми на голову этого красно-глазого.

Под нажимом плеча Новицкого часть стены отодвинулась, за ней беглецы различили удивившие вниз узкие каменные ступени. Новицкий высоко поднял светильник и первым шагнул в открывшийся проем. Осмотрев стену с другой стороны, он понял, что при нажатии на голову змеи засов поднимается.

– Вот оно что! Теперь ясно, как все устроено! Вперед! – скомандовал Новицкий и запер замаскированный выход.

Оба спустились в подземелье и огляделись вокруг.

– А вот и наше с тобой барахлишко! Здорово они его перетряхнули, – разочарованно отметил он.

– Хорошо хоть, что штуцеры оставили, – успокоил его Смуга. – Вон там они, в углу!

Новицкий поставил светильник на пол, со знанием дела осмотрел оружие.

– Да, они в порядке! Вот этот, с оптическим прицелом, – мой, а тот Томека! – радостно воскликнул он. – Э, да что я вижу! Две пачки патронов, в них, наверное, сотни две. Ну уж теперь мы вооружены.

Смуга тем временем перебирал разбросанные вещи. Отложил два гамака, кусок брезента, чтобы соорудить палатку, носки, жестяной котелок с ручкой. Затем опустошил два мешка с плечевыми ремнями.

– Тадек, да хватит тебе там рыться! Лучше помоги мне. Положи в каждый мешок гамак и одеяло. И кушму свою прихвати. И побыстрее!

– Куда ты так торопишься? К смерти в объятия? – равнодушно заметил Новицкий. – Лучше посмотри, что я нашел!

– Ого! Компас? – обрадованно воскликнул Смуга. – Удивляюсь, как это они его не забрали!

– Еще я обнаружил тетрадь, огрызок карандаша и банку. Будет нам вместо стакана, – сообщил Новицкий. – Ну, думаю, больше тут искать нечего. Кампа взяли все, что представляло для них ценность. Ну и черт с ними! Оружие у нас есть, а это главное.

Они упаковали отложенные вещи. После этого Смуга развязал мешочек, подаренный ему Онари, достал из него горсть маленьких золотых слитков и торжественно вручил их другу.

– Кто знает, что может случиться. Пусть это останется у тебя!

Новицкий чуть ли не лишился дара речи.

– Это же золото, братец ты мой! Откуда оно у тебя взялось? – наконец вымолвил он.

– Потом расскажу, а сейчас забирай!

Новицкий оторвал лоскут от валявшихся на полу лохмотьев рубахи, завернул в него золото и засунул в карман. Затем вытащил из кобуры револьвер:

– Ян, бери-ка ты этот кольт себе. Правда, запас патронов в патронташе невелик, но в ближнем бою револьвер – лучшее оружие.

– Патроны к револьверу у меня есть, хоть и немного, – сказал Смуга, заткнув кольт за пояс. – Постой, Тадек, по-моему, Агуа говорила нам бежать к реке! А что за реку она имела в виду?

– Как – что за реку? Ясно, ту, которая течет на юго-восток. Кампа держат там в зарослях на берегу лодки. Оттуда они и провожали сегодня Тасулинчи.

– Дорогу знаешь?

– Знаю, я там уже был.

– И ночью найдешь?

– Найду.

– Ну тогда веди!

Оба закинули на спину мешки и штуцеры дулом вниз. Смуга взял еще и пукуну. Вскоре они оказались в огромном зале святилища. Впотьмах, на ощупь они продвигались к выходу, оставив погашенный светильник в одной из ниш за потайными дверями в подземелье. Вой

ветра заглушал шаги, молнии пронизывали ночную темень, раскаты грома доносились уже издали.

Не успели Смуга с Новицким дойти под ливнем до лестницы на нижнюю террасу, как промокли до нитки. Потоки воды струились по скользким каменным ступеням. Борясь с дождем и сильным ветром, они подошли к главным воротам древнего города. Новицкий быстро обнаружил узкую, ухабистую лесную тропу, извивавшуюся вниз по склону. Мужчины вошли в лес. Здесь ветер был уже не таким сильным. Шумела бегущая вниз вода, ноги скользили по грязи. По обе стороны тропинки темнели джунгли. По мере того как они спускались все ниже и ниже, деревья становились выше, их кроны переплетали лианы, заслоняя покрытое грозowymi тучами небо.

Новицкий спешил, но каждый шаг давался ему с трудом. Его ноги вязли в раскисшей земле, он спотыкался о выступающие корни деревьев, по лицу хлестали мокрые ветви. В гуще леса ветер едва ощущался, но треск падавших время от времени деревьев говорил – гроза еще не закончилась. Однако Новицкий упрямо продвигался вперед, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, следует ли за ним Смуга. К счастью, здесь можно было пренебречь осторожностью – дождь тут же смывал их следы, а ветер заглушал шум шагов.

Они долго брели по джунглям, замерзшие и промокшие. Вдруг дождь прекратился столь же внезапно, как и начался. Ветер стих, грома не было слышно. В просветах листвы мерцали звезды и изредка мелькала луна. Лес наполняли ароматы тропических растений.

Новицкий остановился, чтобы отдышаться.

– Давай-ка чуть передохнем, – предложил он Смуге. – Что-то у меня нога разболелась, – видно, намокшая ткань царапину натирает.

– Хорошо, что гроза прошла, – глуховато ответил Смуга. – Да и мне передохнуть не помешает. С тех пор как я попал в плен, так далеко ходить не приходилось. Тем более в такую погоду. Интересно, обогнули мы селение?

– Еще как обогнули! Оно вон там, на юго-западе, – рукой указал Новицкий. – Если не застрянем здесь, к рассвету доберемся до реки. Дай-ка мне твой мешок, Янек, тебе будет легче идти. Вот тебе и тропики – холод пробирает до костей. В особенности по ночам.

– Я уж подумал было, что пойдет град. Это днем здесь жара, а по ночам – да, холодище.

Немного отдохнув, Новицкий и Смуга снова отправились в путь через джунгли. Пропитанная водой земля, скользкая после дождя трава, колючий бамбук, лианы – все это затрудняло передвижение. Но беглецы продолжали спуск по склону, который мало-помалу становился отлогим. Ночную тишину нарушало лишь кваканье огромных лягушек, обитавших в прибрежных болотах. Вскоре до них донеслось журчание реки.

Новицкий остановился:

– Ты слышишь, Ян?

– Слышу, река уже рядом. После такого дождя вода в ней должна подняться.

– Ну, об этом легко догадаться, так и есть. Пошли, а то уже начинает светать.

Лесная тропинка постепенно становилась шире. Беглецы шагали по жидкой грязи – дождевой воде некуда было стекать с ровной поверхности тропы. По берегам речки индейцы вырубали лес, чтобы облегчить подход, но это мало помогло. В долине густой кустарник разросся так буйно, что местами был выше человеческого роста и даже не прогибался под ногами.

На открытом пространстве было уже довольно светло, ночь отступала. Звезды поблекли, далеко на востоке на черно-синем небе вспыхивали яркие багровые блики. Над берегами и рекой повис молочно-белый туман. Откуда-то из глубины чащи донесся крик птицы, тут же пронзительно заверещали попугаи, им вторили хриплые крики ревунов, характерное карканье цапель, пощелкивание аистов и клекот ястребов. Джунгли пробуждались ото сна. Светало...

Новицкий оглядывал прибрежные заросли, где кампа обычно держали лодки. Агуа уговаривала их двигаться к реке, словно зная, что там они найдут лодку. И догадки Новицкого

подтвердились. В зарослях у самой воды отыскалась выдолбленная из ствола дерева лодка-плоскодонка. В ней лежали два коротких весла, на лопастях которых был выжжен оригинальный узор – знак хозяина судна. Они нашли длинную, отполированную сотнями ладоней жердь для замера глубины или отталкивания от дна, если лодка сядет на мель. Новицкий придиричливо осмотрел плоскодонку, оценил ее надежность и устойчивость и остался доволен.

– Ну что тут скажешь? Садись да плыви!

На первом месте среди всех цепкохвостых следует поставить **ревунов** (*Mycetes*). Это обыкновенно плотные, с высокой пирамидальной головой и выдающейся мордой небольшие обезьяны, покрытые густой шерстью, которая, удлинняясь на подбородке, принимает форму бороды. <...> Любимым их местопребыванием являются пустые, высокие и сырые леса Южной Америки. <...> Жизнь ревунов довольно однообразна. Днем они рассаживаются по высоким деревьям, на ночь же спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой листве, предаются сну. Даже во время процесса питания движения их ленивы: медленно перелезают они с ветки на ветку, неторопливо срывая ветки и почки и еще неторопливее поднося их ко рту, а насытившись, усаживаются, скорчившись на каком-нибудь суку, точно дремлющие дряхлые старики. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 1.)

В зарослях Новицкий обнаружил еще две лодки, побольше, но без весел. Вернувшись к первой лодке, он легко столкнул ее на воду, и быстрое после ночного ливня течение тут же ее подхватило.

– Ян! – позвал он.

Смуга с мешком и пукуной в руках подошел к зарывшейся носом в воду лодке.

– Да, капитан, твоя зазноба-индианка нас не подвела, – оценил он. – А есть здесь еще лодки?

– Конечно! Целых две, причем большие, только без весел.

– Индейцы не бросают весел где попало – это их собственность, – объяснил Смуга. – Если в лодке нашлись весла, это неспроста. Похоже, кто-то помогал нам сбежать. Но об этом поговорим потом. А теперь – в путь!

– Янек, в экспедиции, как и в армии, всегда должен быть командир, – сказал Новицкий. – Командир – ты, но уж позволь на воде командовать мне. Река разбушевалась, воды вон сколько прибыло, всякое может случиться. А я на воде всю жизнь, с самого детства. Вырос на нашей

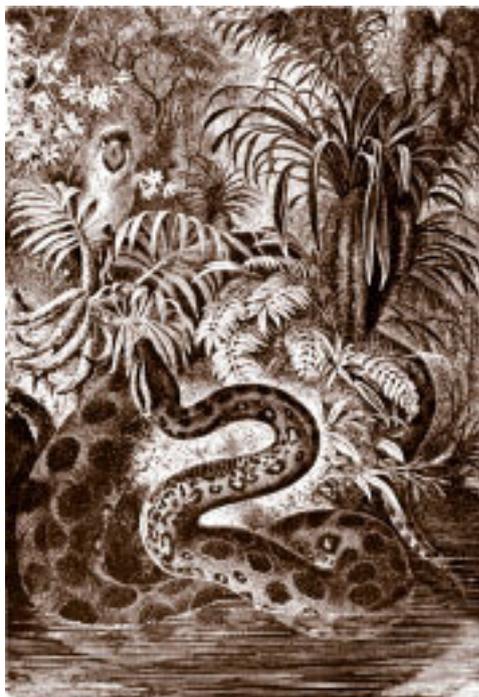
любимой Висле, а в ней столько коварных водоворотов, омутов, течения повсюду меняются, мелей до черта. Я еще мальчишкой спасал утопающих.

– Согласен, капитан! Я видел твоё мастерство на Амуре²⁵. Какие будут распоряжения?

– Отлично! Штуцеры на ремнях за спину! Патроны под рубашку! Обвязать лианами, чтобы не потерять. На всякий случай кольт должен быть всегда под рукой. Если перевернемся, сразу же гребите к ближайшему берегу, а мешками и пукуной занимаюсь я. А теперь давай-ка садись на нос, бери весло, загребай слева. И весло держи покрепче – если выронишь, считай, нам конец.

Смуга кивнул, усаживаясь там, где было велено. Он отлично понимал, что для сплава по бурной реке требуются умение, смелость, отвага и сила. Всем этим с избытком обладал великан-моряк с Повислья. Прежде чем усестись в лодку, Новицкий внимательно осмотрелся...

Уже совсем рассвело. Цикады завели свою утреннюю песню. Туман, поднимаясь, таял в ярких лучах восходящего солнца. Бурная, мутная, желтая река несла ветви пальм, стебли тростника, пучки водорослей. В глубине таились электрические скаты, кровожадные пираньи, похожие на угрей рыбки кандиру, заползающие в естественные отверстия людей, крокодилы и сотни других опасных тварей. Вынужденное купание в любой момент могло обернуться трагедией.

Первенство по величине между всеми исполинскими змеями Нового Света, без сомнения, принадлежит удаву **анаконде** (*Eunectes murinus*). Гигант этот достигает 8,29 м в длину, а 6–7-метровые встречаются довольно часто. Анаконда живет обыкновенно в воде или около воды, прекрасно плавает, может очень долго оставаться под водой и подолгу лежит на дне, отдыхая. На берег она выходит, чтобы погреться на горячем песке или съесть пойманную добычу. Питается анаконда птицами, небольшими млекопитающими, а также рыбами. Среди домашних животных она нередко производит опустошения, почему местные жители ее сильно ненавидят. <...> Рассказывают, что анаконда нападает иногда и на человека. <...> Толстую, красиво блестящую

²⁵ Речь идет о приключениях, описанных в книге «Томек и таинственное путешествие».

чешуями кожу анаконды выделывают, изготавливая из нее сапоги, чемоданы, попоны для лошадей и т. п., мясо и жир употребляют в пищу. Кроме людей, у взрослых анаконд почти нет врагов, и рассказы о страшных битвах между водяными змеями и крокодилами – не что иное, как вымыслы. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 3.)

По берегам реки густо росли деревья, грациозные пальмы, бамбук и тростник. Склоны берега оплетали спускавшиеся до самой воды корни. Сверху над водой гигантским зонтом нависали ветки. Можно было плыть в этом естественном растительном тоннеле, оставаясь почти невидимыми. Но и здесь подстерегала опасность. С ветвей на них могла броситься ядовитая змея или анаконда, притаившаяся в укромном месте в ожидании добычи. Могли накиснуться лесные муравьи или рой ядовитых ос. Поразмыслив, Новицкий сказал:

– Думаю, Янек, этот заморыш Тасулинчи вместе со своими дикарями далеко не уплыл. Буря точно согнала их на берег. Не рановато ли мы пустились в путь?

...Самый сильный из живущих в Южной Америке ястребов – **гарпия** (*Thrasaetus harpyia*). Это сильная птица с необыкновенно высоким и крепким клювом, толстыми ногами, оканчивающимися длинными пальцами с чрезвычайно большими и сильно изогнутыми когтями. Оперение ее обильное и мягкое; на затылке оно удлиняется в широкий хохол, который может подниматься. <...> Она водится в каждом обширном лесу, начиная от Мексики до середины Бразилии и от Атлантического океана до Тихого. <...> ... перья гарпии с незапамятных времен составляют крайне ценное украшение у индейцев, которые поэтому держат этих птиц смолоду в неволе, чтобы добывать их перья легче, чем путем охоты за взрослыми птицами. (А. Брэм. *Жизнь животных*, т. 2.)

– Я тоже об этом думал, – отозвался Смуга. – Смерть наступает нам на пятки.

– Плыть посередине реки быстрее, но тогда и компания Тасулинчи вмиг нас заметит. Рядом с берегом плыть медленнее, но безопаснее: в случае чего сразу же можно причалить. Как ты думаешь, Ян?

– Погоня для нас намного опаснее, – ответил Смуга. – Лодки у кампа большие, да и гребцов полно. Как пить дать догонят. А Тасулинчи наверняка пристал у какой-нибудь песчаной отмели, берега-то вон какие неприступные. А отмель мы издали заметим. Так что пока будем держаться середины, а в случае чего прижмемся к берегу.

Новицкий срезал несколько гибких лиан, оба обвязались ими, чтобы не выронить коробки с патронами из-под рубашек. Уложив мешки и пукуну на дно лодки, он подтолкнул ее и вскочил на корму.

Подхваченная быстрым течением лодка осела в воду, закачалась. Сначала ее развернуло кормой вперед, но опытный моряк несколькими движениями весла изменил положение судна. Они поплыли вниз по течению посередине реки. Смуга и рулевой Новицкий действовали слаженно. Новицкий вовремя замечал и мастерски огибал опасные водовороты и островки, заросшие кустами. Если столкновение с ними было неизбежно, тогда на помощь приходила жердь – Смуга, отложив весло, брался за нее, чтобы оттолкнуть лодку на безопасное расстояние от препятствия.

Как обычно по утрам или вечерам, на реке появились белоснежные цапли, розовые фламинго, пестрые крикливые попугаи и дикие утки. Временами над ними зловеще кружил ястреб. Тогда пернатыми овладевала паника – одни поднимали пронзительный крик, другие что есть мочи спасались в глубине леса. Тропические джунгли были царством сотен видов различных птиц, начиная с громадных гарпий и заканчивая крошечными колибри размером не больше пчелы. Каждая птица обладала неповторимым голосом. Одни очаровательно пели, другие издавали необычные, ни на что не похожие звуки.

Южная Америка получила название «птичьего материка», однако тропический лес никак нельзя назвать райской идиллией²⁶. Под роскошным балдахином зелени идет непрерывная борьба за выживание. Деревья, кустарники, молодая поросль тянутся к животворному солнцу и по праву сильного затеяют слабые растения. И в животном мире не прекращается борьба за существование. Хищники устраивают кровавые пиршества, гибель особей одних видов означает продолжение жизни для других.

²⁶ В Южной Америке обитает около 3000 видов птиц, то есть примерно $\frac{1}{3}$ всей мировой авифауны. Они относятся к 23 отрядам и 93 семействам, причем многие семейства встречаются только на этом материке.

Монотонный шум утреннего ветра доносил из глубины леса звуки, похожие на тяжкие вздохи, жутковатое урчание, свист и тьяканье. Временами слышался душераздирающий вопль гибнущего животного. Такова была утренняя песня первозданных джунглей.

Новицкий со Смугой напряженно вслушивались в таинственные звуки, вглядывались в берега реки, не забывая посматривать назад. А вдоль берегов продолжали тянуться зеленые стены. Казалось, джунгли поднимаются прямо из речной воды. Изредка в прибрежных зарослях, словно вход в тоннель, темнел проход, вытоптаный ходившими на водопой животными.

После бессонной ночи и изнурительного перехода оба друга все сильнее ощущали усталость. Припекало солнце. Но о каком отдыхе, пусть даже недолгом, можно было мечтать, если приходилось передвигаться по взбухшей от тропического ливня реке, на каждом шагу таившей опасности? Они страшно устали и проголодались. Новицкий, который всегда любил вкусно и много поесть, жевал листья коки. Восточная часть джунглей Перу была родиной этого растения – коки, известной даже в Европе. Новицкий во время своих прогулок за пределы селения индейцев-кампа собирал маленькие овальные листочки, сушил их, нарезал и складывал на случай побега. И сейчас, поглядывая на лежавший на дне лодки мешочек, советовал товарищу:

– Янек, ты жуй коку, как я! Честно говоря, у меня уже рот ничего не чувствует и я еле шевелю языком, но, жуя коку, индейцы обманывают желудок и легче переносят трудности долгих переходов в джунглях. Если уж дикари оценили преимущества коки, нам просто грех от нее отказываться, разве не так?

– От дикарей многому можно научиться, особенно правилам выживания в джунглях, – подтвердил Смуга.

– И то верно, каждый по-своему умен, – поддакнул Новицкий. Он выплюнул за борт пахнущий ромашкой волокнистый комочек, в который после долгого пережевывания превратились листья коки, и продолжил: – Индеец в джунглях всегда отыщет чем поживиться, а нам кишки от голода сводит.

Время тянулось медленно, жара усиливалась. Солнце поднималось к зениту. В воде, словно в зеркале, отражались его почти отвесные лучи. Река ослепительно сверкала сплошным потоком света. Джунгли смолкли, птицы исчезли с берегов.

Смуга, прищурившись, взглянул на небо:

– Все живое спряталось от жары в чаще. Пора и нам укрыться.

– Золотые слова! – радостно подтвердил Новицкий. – Если кампа гонятся за нами, то куда они не денутся – придется пережить жару. Здесь словно в печке. Доблестные воины Тасулинчи небось спят без задних ног.

– Держи вправо, – скомандовал Смуга.

Лодка вплыла под кроны деревьев, нависавших над берегом реки. Здесь отблески солнца на воде уже не ослепляли, да и течение было слабее. Но друзья и тут не почувствовали облегчения. Под зеленым пологом царила страшная духота, наполненная зловонием гниющих листьев.

VII В джунглях Амазонии

Лодка неспешно плыла вдоль правого, лежавшего в тени берега. Новицкий и Смуга напряженно всматривались в нависавшую над ними плотную зелень, лавировали среди торчавших из-под воды сплетенных клубками корней. Какое-то время спустя они заметили бухточку у высокого берега. Подмытое течением дерево нависало над самой водой, касаясь ее кроной. Лишь благодаря мощным корням, крепко вросшим в берег, и лианам, которые, подобно канатам, оплели растущих вблизи лесных великанов, дерево не рухнуло в воду.

– Мечта, а не пристань! – обрадовался Новицкий. – Лодку укроем в густых ветвях, а сами отдохнем на берегу.

– Верно говоришь, надо переждать жару и отдохнуть, – не стал возражать Смуга. – Только смотри, Тадек, ни единой веточки не сломай – индейцы тут же заметят!

Лодка вошла в гущу ветвей. Пока Новицкий привязывал ее, Смуга взобрался на наклонившееся дерево. Сразу же завизжали встревоженные обезьяны, запищали и захлопали крыльями птицы. Смуга сел на ствол:

– Поддай мне штуцеры и мешки!

Новицкий поднялся к нему, и оба перебрались на ярко освещенный берег. Почти к самой кромке воды подступала густая чащоба, не позволявшая войти в лес. Пальмы с пышными кронами, колючий бамбук, который можно найти только в Южной Америке, тростник, буйно выросшие кусты и высокие травы – все это составляло грозное преддверие джунглей. И лишь в отдалении лес чуть редел²⁷. В тени высоких палисандров и американских кедров царила сырая

²⁷ Южная Америка поражает удивительным богатством флоры, однако разные части материка сильно различаются по характеру растительности. Участки земной поверхности с одинаковым климатом, рельефом, почвами, водами, растительным и животным миром называются природными зонами. Материк Южная Америка разделяется на следующие природные зоны. **1.** Сельва (или гилея) – влажные вечнозеленые экваториальные леса бассейна Амазонки и Ориноко, причем на Амазонской низменности выделяют три главных типа сельвы. Игапо – бразильское название влажных заболоченных лесов низкой поймы Амазонии, затопляемой в течение длительного времени. Типичные растения – вечнозеленое дерево имбауба (цекропия) (*Cecropia parensis*) и пальмы. Варзея – влажные леса, растущие на более возвышенных участках, которые вода заливает лишь во время сильных паводков. В отличие от игапо, леса варзеи имеют более богатый видовой состав. В них произрастает пау-бразил (*Caesalpinia echinata*), от которого и происходит название Бразилия. Его также называют фернамбуковым деревом или цезальпинией. Эте (терра фирме, гуасу) – вечнозеленые многоярусные влажные леса, покрывающие незатопляемые равнинные пространства Амазонии. В этой природной зоне растут каучуковые деревья. **2.** Горные субтропические леса на восточных склонах Анд, где произрастают вечнозеленые и листопадные породы деревьев. **3.** Алту-да-серра – горный светлый лес Восточной Бразилии, где в сухой сезон года деревья сбрасывают листву. **4.** Мангровые леса – вечнозеленые лиственные леса, произрастающие в приливно-отливной полосе морских побережий и устьев рек в местах, защищенных от волн рифами или островами. Занимают прибрежную полосу приатлантической части Южной Америки до 28-го градуса южной широты. В этих лесах господствует красный мангр. **5.** Кампос – преимущественно злаковая саванна, в которой редко идут дожди. Характерные растения – акации, разнообразные кактусы и папоротники. **6.** Каатинга – природная зона, расположенная на северо-востоке Бразильского плоскогорья. Представляет собой крайне сухой листопадный лес или полупустынное тропическое редколесье, почти лишенное травянистого покрова, с низкорослыми деревьями и кустарниками, в частности мимозовыми. **7.** Чако – светлые леса паркового типа, заросли либо травянистая саванна, протянувшаяся на юг от природной зоны кампос в Северной Аргентине, Боливии, Парагвае и Юго-Западной Бразилии. Здесь растет рожковое дерево (*Ceratonia siliqua*), индейцы называют его альгарробо, а также знаменитое кебрачо (квебрахо или квебрачо) – так называются три вида субтропических деревьев, древесина которых очень плотная и тяжелая. **8.** Льянос – разновидность саванн Южной Америки. Находятся на левобережье реки Ориноко, побережье Карибского моря и в бассейне реки Маморе. Различают низкие льянос – высокотравные саванны с густым, в основном злаковым покровом и высокие льянос – с преобладанием кустарников и редколесий. **9.** Высокогорная растительность Анд делится на пять типов: сеха – высокогорные леса и заросли; халка – высокогорные тропические злаковые степи на восточных склонах Анд в Перу между 4- и 18-м градусом южной широты; парамо – влажные высокогорные луга в Колумбии и Эквадоре; пуна – растительность полупустынь и пустынь в Перу, Боливии и Чили на высотах 3500–4600 м между 14-м и 28-м градусом южной широты; лома – характерная пустынная и полупустынная растительность западных склонов Анд, рост и развитие которых возможны только благодаря гаруа – мельчайшей мороси из тумана, единственному источнику влаги. **10.** Субтропические леса Восточной Бразилии, где преобладают араукарии. **11.** Гемигилея (от *греч.* hēmi – «полу-» и hylē – «лес»), то есть полугилея – влажный вечнозеленый смешанный лес. Смешанные высокоствольные горные леса восточных склонов

прохлада. Солнечные лучи изредка проникали сюда через плотный свод из лиан и вьюнков, высоко над землей оплетавших кроны деревьев. Одни лианы тянулись к солнцу, другие свисали с зеленого потолка к земле фантастическими ажурными гирляндами, расцвеченными яркими чашечками цветов. Высокие деревья росли поодиночке, иногда парами и небольшими группами. Порой среди них попадался величавый гигант, представлявший собой отдельный мир.

Смуга и Новицкий внимательно осматривали этот мрачный, влажный, угрюмый лес, ревностно оберегающий свои несметные богатства. Здесь встречалось ценнейшее черное дерево, росли каучуковые деревья, а также хлебное, гуттаперчевое, лаковое, коричное, фиговое деревья, железное дерево²⁸ с прочной древесиной, которая не поддается обычному топору. Были и такие деревья, части которых обладают лечебными свойствами и используются в пищу, а также растения с ядовитыми плодами и млечным соком, способными ослепить и даже убить.

В джунглях царил вечный закон жизни и смерти. Деревья разрастались, тянулись к солнцу и, состарившись, падали. Замшелые упавшие стволы образовывали непреодолимые преграды. Повсюду были заметны следы ураганов – деревья, вырванные с корнем нечеловеческой силой, висели между других деревьев, густо оплетенных лианами, которые не давали им упасть на землю. Сквозь толстые корни и сломанные ветви пробивались папоротники и травы, целебные свойства которых знали и использовали индейские шаманы. В избытке произрастали ядовитые и хищные растения. В воздухе висел густой одуряющий ванильный аромат орхидей, перемешанный с гнилостным смрадом погибших растений.

Анд центральной части Чили и Западной Аргентины. **12.** Монте – светлый лес паркового типа Северо-Западной Аргентины. **13.** Пампа – степи на равнинах Аргентины и Уругвая, где почти не встречаются деревья и кусты (очень напоминают североамериканскую прерию). В настоящее время распаханы или используются под пастбища. **14.** Месета – сухая солончаковая полупустынная растительность южнее Риу-Негру и до Огненной Земли, занимающая огромные пространства Патагонии. **15.** Субантарктические хвойные либо лиственные леса Южных Анд (преобладают араукарии, лиственницы и кедры).

²⁸ Древесина железного дерева настолько тверда, что срубить его можно лишь в прохладные утренние часы, так как при температуре 30 градусов и выше острие топора гнется при рубке.

Смуга и Новицкий осторожно пробирались через чащу, стараясь не оставлять следов. Кроме шаловливых обезьянок и щебечущих птиц, они не видели, да и не слышали других животных. Но это ничего не значило, поскольку звери, ведущие ночной образ жизни, отсыпались в норах, а дневные при малейшем шорохе бесшумно и незаметно исчезали. В чащах скрывались ядовитые змеи, докучливые насекомые и разного рода кровососы.

Смуга заметил отдельно стоящее высокое дерево. С его раскидистой кроны свисали лианы, ограждая исполина от других растений.

– Тут мы и остановимся, – объявил он, указывая на дерево.

– Место для нас подходящее, – согласился Новицкий. Его голос звучал странно, приглушенно, словно он находился в храме. И действительно, толстые стволы напоминали величественные колонны соборов, а дурманящие ароматы – запах ладана. – Ах ты, акула тебя проглоти, ну и деревце ты выбрал!

– Это ты точно подметил, капитан! – подхватил Смуга. – Не кто-нибудь, а сам Гумбольдт считал его гениальным творением тропической природы. Это бертолеция, бразильский орех²⁹. Не приходилось пробовать?

– Приходилось, разумеется, только Томек говорил, что это не орехи, а семена.

– И был прав, – согласился Смуга. – Но для нас куда важнее, что их можно есть сырыми. Перед уходом нужно будет их собрать. И еще, капитан: не садись на землю!

²⁹ *Бертолеция*, или *бразильский орех* (*Bertholletia*), произрастает в лесах Бразилии, Гайане, Венесуэле, Восточной Колумбии, Восточном Перу и Восточной Боливии. Достигает высоты 30–45 м. Плоды этого дерева представляют собой коробочку, где помещается от 8 до 24 семян треугольной формы длиной до 5 см, съедобных и в сыром виде. В ботаническом смысле это семена, а не орехи, как их ошибочно называют. При созревании коробочка лопается, и семена выпадают. Их употребляют в пищу – выдавливают из них масло, содержание которого доходит до 65 %. Из незрелых плодов индейцы изготавливают горшочки и чашки. Древесина бертолеции плотная и прочная.

– Да помню я, помню! Тут везде человека подкарауливает какая-нибудь дрянь! Давай-ка на пару часиков подвесим гамаки. Деревьев здесь полно, есть из чего выбрать!

Тут Новицкий внезапно замер. Где-то поблизости послышалось несколько ударов, словно стучали молотом по наковальне. Звуки стихли, но вскоре возобновились.

Правая рука Новицкого легла на рукоять кольца. Он взглянул на Смугу, но тот спокойно прислушивался к этим непонятным звукам, разглядывая ветви ближайших деревьев. Новицкий замер на месте как вкопанный.

Гумбольдт, Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (1769–1859) – немецкий натуралист, географ, путешественник. Один из основателей географии как науки. В 1799–1804 гг. проводил научные исследования на территории испанских колоний в Северной и Южной Америке. Результатом этой работы стали обширные геологические, геодезические и картографические данные, крупные зоологические и ботанические коллекции (около 1800 неизвестных ранее видов растений); описание климата, морских течений, памятников, быта и политического состояния посещенных стран. Материалы экспедиции составили грандиозный 30-томный труд «Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 годах». Работу Гумбольдта и его сотрудников называют вторым научным открытием Америки.

Удары молотом повторились в третий раз. Смуга вытянул руку, будто желая что-то показать товарищу. Новицкий проследил взглядом – неподалеку на ветке сидела белая птица с зеленым подгрудком, черным клювом и бурыми лапами. Ее длина от клюва до хвоста не превышала двадцати пяти сантиметров. Птица подняла голову, и раздалось знакомое постукивание и удары по наковальне. Трепеща крыльями, рядом с ней присела оливково-зеленая самочка с темно-зеленой головой и желтым брюшком.

– А, кит тебя слопай! – ошарашенно пробормотал Новицкий. – А я-то подумал, тут где-то по соседству кузница.

И вновь зазвучали удары металла о металл, им эхом вторили удары по наковальне. Судя по всему, этих странных птиц было здесь более чем достаточно. Странные, необычные звуки зачаровывали, напоминая громкий перезвон колокольчиков...

– Что это за чудные птахи? – поинтересовался явно заинтригованный Новицкий.

– Это котинги³⁰, – объяснил Смуга. – Известно о них мало, потому что они очень пугливые и живут в верхних ярусах леса. Вот уже их и нет!

Котинги стаей вспорхнули с деревьев и пропали в чаще. Смуга с Новицким вернулись к развешиванию гамаков.

– Надо бы перекусить перед отдыхом. В пузе бурчит, – вздохнул Новицкий. – Вроде ты говорил, у тебя вяленая рыба есть...

– Есть. Но лучше пока что побережь наши скудные запасы, – предупредил Смуга. – В джунглях следует жить по примеру индейцев. Они приспособились к здешним условиям.

– Золотые слова, – согласился Новицкий. – С волками жить – по-волчьи выть.

– Ну тогда не побрезгуй индейским деликатесом. Его здесь сколько угодно.

– Наверняка какая-нибудь гадость, но ты же знаешь, я человек непривередливый, – напомнил Смуге Новицкий. – Это ты морщился, когда мы пили масато, а я сейчас с удовольствием глотнул бы его.

– Ну, раз так, поищем в кладовке, – сказал Смуга, простукивая гниющие стволы поваленных деревьев.

– Уж не трухой ли ты меня накормить хочешь? – недоверчиво спросил Новицкий.

– Можешь быть спокоен, – ответил Смуга. – Дай-ка лучше нож.

Он склонился над толстым замшелым бревном. Отрезал широкую полосу коры, отодрал ее от ствола. Под ней было множество дырочек. Из одной такой дырочки он извлек жирную личинку кремового цвета, очень похожую на шелкопряда. Оторвал ей голову и, мельком взглянув на своего приятеля, выдавил из личинки себе в рот густую беловатую жидкость. Облизнувшись, предложил Новицкому:

– Чего ждешь, капитан, угощайся!

– Ты что же, червяками меня потчевать вздумал? – недовольно спросил Новицкий. – Прямо как в Азии, там меня один китаец угощал засахаренными пиявками. Ну, видимо, здесь, в Америке, можно разнообразия ради попробовать и червяков. Как же они называются?

– Личинки короеда. Обитают в гниющих стволах деревьев, прогрызают в них ходы, – объяснил Смуга. – Нет, правда, они очень даже ничего на вкус, попробуй!

Новицкий неторопливо вытащил из дырочки довольно крупную толстую личинку, зажмурившись, проглотил дарованный природой «деликатес». Его настороженность вмиг как рукой сняло. Он тут же потянулся за следующей личинкой.

– Ну, капитан, и как тебе? – хитровато осведомился Смуга.

– В целом нормально. Напоминает кокосовое молоко или даже топленое масло. Червячок-то сытный – у меня и желудок успокоился.

– Индейцы считают личинок короеда питательным продуктом и в первую очередь дают его вождям и старикам, – пояснил Смуга.

– Сколько стран, столько и обычаев, – назидательно проговорил Новицкий. – Я слышал, дикари в джунглях поедают все, что движется. Термитов, муравьев, саранчу, пресмыкающихся и – не поверишь – даже вшей. Но сам я никогда в жизни не мог представить, что буду уминать червяков за обе щеки.

– Эти бедняги считают, что любой дар богов всегда на пользу, – сказал Смуга. – Самый страшный враг человека – голод.

– Не спорю, не спорю, но все же это слишком – считать червяков деликатесом! Представляю себе, как высказался бы мой папаша дома, на Повислье, если б ему преподнесли на обед такой тропический деликатес, а мои старики, да и я вместе с ними, – не из богатеев. По мне,

³⁰ Судя по описанию, друзья увидели гологорлого звонаря (*Procnias nudicollis*), птицу из семейства котинговых (*Cotingidae*) отряда воробьиных. В семействе насчитывается 25 родов и 66 видов. Некоторые котинги способны издавать необычные для птиц звуки, напоминающие звон колокола, стук, скрежет и т. п. Встречаются в субтропиках Центральной и Южной Америки на верхних уровнях тенистых лесов, особенно в горных местностях. – *Примеч. ред.*

нет ничего лучше, чем добрая свиная отбивная с кислой капустой, а запивать ее не иначе как ямайским ромом!

– Я тоже могу себе представить, что бы он сказал! – расхохотался Смуга. – Ну ладно, пора прилечь. Ближе к вечеру надо будет сниматься с места. Но я должен тебе рассказать, как перед побегом я ходил за вещами.

– Как раз хотел тебя расспросить, – оживился Новицкий. – Давай рассказывай, как это ты отхватил кольты и золото, а я пока пожую этих твоих червячков.

Смуга помолчал, словно размышляя, а затем заговорил:

– Как тебе известно, кампа согласилась, чтобы я прогуливался по этим руинам. Времени у меня было предостаточно, поэтому я сумел пронюхать кое-что такое, что и не всем кампа известно.

– Потайные ходы и переходы? – вставил Новицкий.

– Не только, капитан!

Явно заинтересованный, Новицкий оставил в покое личинок и не удержался от восклицания:

– Ну и ну! И что же ты там пронюхал?

– В замаскированных подземельях я обнаружил гробницы инков и сокровищницу, а в ней – все, что они спрятали от грабителей-испанцев.

Лицо Новицкого застыло. Он не сразу обрел дар речи. Наконец сдавленным голосом спросил:

– Ты рассказал об этом нашему молодняку?

– Одному только Томеку. Я показал ему гробницы и сокровищницу.

– А он что? Что он сказал?

– Сказал, над этими богатствами тяготеет проклятие – кровь зверски убитых инков. Он наотрез отказался брать что-нибудь из них. Мы решили, что об этом открытии вообще никому не скажем.

Растроганный до глубины души, Новицкий зарделся:

– Ах ты, мальчишечка мой родной! Ни на минуту не сомневался – он так и поступит. Уж я-то его знаю!

– Признаюсь, я был того же мнения о нем, – произнес Смуга.

– Так зачем же ты надумал показать Томеку эти сокровища?

– Видишь ли, Томек признался, что ты решил продать подаренную тебе индийской махари яхту, только бы раздобыть деньги для моего спасения. А я знал, что для тебя значит эта яхта, ну и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.